

109977

А. С. ГРУШЕВСКІЙ.

Изъ харьковскихъ лѣтъ
Н. И. Костомарова.

1939
2/2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1908.

А. С. ГРУШЕВСКІЙ.

Изъ харьковскихъ лѣтъ Н. И. Костомарова.

ПРОСМОТРЕНО
ИЗД. 1940

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА Х. Д. У.
Inv. № 109997

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1908.

Проверено
ЦНБ 1939

учб. б-ка
1922
21
89 99 08

А. С. ТУШЕВСКИЙ

Н. Н. НОСТОВАЯ
Н. Н. НОСТОВАЯ

Извлечено из Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1908 годъ.

ВЕРИФИКАЦИЯ
1908

ВЕРИФИКАЦИЯ
1908

ВЕРИФИКАЦИЯ
1908

84 08
79

1.

Годы студенчества.

„Въ то время Харьковскій университетъ былъ въ большомъ упадкѣ. Профессорскія кафедры занимались отчасти людьми бездарными, отчасти же хотя и талантливыми, какимъ былъ, напримѣръ, Кронебергъ, но лѣнливыми“—такую рѣзкою характеристикю резюмируетъ Костомаровъ воспоминанія о своемъ студенчествѣ (1833—1836 гг.) ¹⁾. Новѣйшій историкъ Харьковскаго университета, детально разбирая дѣятельность отдѣльныхъ профессоровъ, сопоставляя ихъ ученые труды съ различными воспоминаніями и отзывами студентовъ и современниковъ, приходитъ въ сущности къ такому же неутѣшительному выводу, хотя и не выражается такъ рѣзко. Въ концѣ такого обзорѣнія научныхъ силъ Харьковскаго университета, Д. П. Багалѣй перечисляетъ по факультетамъ наиболѣе выдающихся профессоровъ (времени съ 1815 по 1835 гг.), и на долю словеснаго факультета приходятся Успенскій, Кронебергъ и Дорнъ ²⁾: студенту Костомарову изъ этой тройки могъ бы быть полезенъ только Кронебергъ, профессоръ латинской словесности ³⁾ (Г. П. Успенскаго—по кафедрѣ русской

¹⁾ Автобіографія („Литературное Наслѣдіе“ с. 19—20), ср. Автобіографія (Русская Мысль 1885. V. 200: „тутъ я поступилъ на историко-филологическій факультетъ, который тогда еле держался...“).

²⁾ Багалѣй, Опытъ исторіи Харьковскаго университета т. II (1815—1835), стр. 730.

³⁾ О Кронебергѣ—у Багалѣя стр. 603—605 (отзывы) и стр. 681—687 (объ ученыхъ трудахъ). Воспоминанія Костомарова о профессорахъ см. Автобіографія (Литературное Наслѣдіе) стр. 20—22 и Автобіографія (Русская Мысль) стр. 200 (характеристики Якимова, Гулака-Артемовскаго, Цыха, Маурера, Паки-де-Савиньи, Кронеберга, Сокальскаго).

исторіи, географіи и статистики — Костомаровъ уже не засталъ, а талантливый Дорнъ при всѣхъ своихъ способностяхъ едва ли могъ вообще имѣть большое вліяніе на студентовъ, читая по латыни восточные языки). Даровитость Кронеберга отмѣчаетъ и Костомаровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуетъ своего профессора „замѣчательно лѣнливымъ“ ¹⁾).

Выдѣляетъ Костомаровъ изъ тогдашняго факультетскаго круга двухъ профессоровъ, перешедшихъ въ Харьковъ уже подъ конецъ его студенчества, — Лунина по всеобщей исторіи и Валицкаго по греческой словесности. Лунинъ — вспоминаетъ Костомаровъ — „былъ безспорно одинъ изъ лучшихъ преподавателей всеобщей исторіи, какіе когда-либо являлись въ нашихъ университетахъ. Онъ былъ вооруженъ всею современною ученостію, получивъ ее въ германскихъ университетахъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ слушалъ лекціи. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ одаренъ счастливымъ даромъ слова; грудь у него была слабая, голосъ не громкій, дикція монотонная и какъ будто жеманная; но эти недостатки выкупались богатствомъ содержанія и критическимъ направленіемъ, къ которому онъ умѣлъ расположить влеченіе своихъ слушателей. Его лекціи по древней исторіи, и преимущественно Востока, и по средней исторіи, особенно лекціи о распространеніи христіанства и борьбѣ его съ язычествомъ, были столь же глубокомысленны, какъ и увлекательны. Исторію новыхъ вѣковъ читалъ онъ слабѣе и, какъ кажется, самъ менѣе ею занимался. Вообще лекціи этого профессора оказали на меня громадное вліяніе и произвели въ моей духовной жизни рѣшительный поворотъ: я полюбилъ исторію болѣе всего и съ тѣхъ поръ съ жаромъ предался чтенію и изученію историческихъ книгъ“ ²⁾.... Подобнымъ же образомъ отзывается и Де-Пуле въ своихъ воспоминаніяхъ о Харьковскомъ университетѣ того времени. „Звѣздами первой величины на небосклонѣ Харьковскаго университета были тогда два профессора словеснаго факультета, Лунинъ и Валицкій, оба вышедшіе изъ профессорскаго инсти-

¹⁾ Автобіографія (Литературное Наслѣдіе) стр. 20 и Автобіографія (Русская Мысль) стр. 200 („замѣчательно ученый и даровитый, но замѣчательно лѣнливый“).

²⁾ Автобіографія (Литературное Наслѣдіе) стр. 22. Автобіографія (Русская Мысль) стр. 206. „Лунинъ — безспорно одинъ изъ лучшихъ и достойнѣйшихъ русскихъ профессоровъ того времени“. В. П. Бузескуль, „Профессоръ М. М. Лунинъ“ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1905. II. 321—374 (отзывы о Лунинѣ — стр. 322). Воспоминанія М. П. Де-Пуле, Харьковскій университетъ и Д. И. Каченовскій, *Вѣстн. Европы* 1874. I, стр. 88—91.

тута [при Дерптскомъ университетѣ] и докончившіе свое ученое образование за границей [Лунинъ въ Берлинѣ]... Лунинъ принадлежалъ къ школѣ живописцевъ-историковъ, возникшей подъ вліяніемъ романовъ Вальтеръ-Скотта, котораго онъ называлъ «Аббостворскимъ чародѣемъ» и котораго, кажется, принималъ за образецъ при изображеніи феодальной жизни и рыцарства, блистательнѣйшія изъ его лекцій, на которыя собирались толпы слушателей"... На ряду съ обаяніемъ даровитости и обширныхъ знаній въ своей спеціальности, Лунинъ вліялъ на студенчество чарующею чистотою нравственного облика, далекаго отъ всякаго рода матеріализма, а тѣмъ болѣе—далекаго отъ тогдашняго университетскаго зла—„пансіонерства“. „Своимъ образомъ жизни, своею пуританскою честностью и обширною ученостію Лунинъ поражалъ студентовъ и имѣлъ на нихъ громадное вліяніе; мы говоримъ о студентахъ всѣхъ факультетовъ, для которыхъ этотъ ученый казался идеаломъ профессора, чѣмъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ“. Такимъ образомъ и эти воспоминанія свидѣтельствуютъ о громадномъ вліяніи Лунина, какъ профессора, на слушателей-студентовъ.

Много лѣтъ спустя по смерти Лунина—въ наши дни—современный представитель этой науки въ Харьковскомъ университетѣ В. П. Бузескулъ на основаніи сохранившихся печатныхъ работъ и отрывковъ курса пробуетъ возсоздать ученый обликъ своего давно умершаго предшественника. Вполнѣ соглашаясь съ показаніями о научномъ вліяніи профессора на студентовъ, съ свидѣтельствами объ умѣнніи ярко и жизненно возсоздавать предъ аудиторією минувшія судьбы народовъ, проф. Бузескулъ умѣряетъ за то значеніе Лунина, какъ самостоятельнаго изслѣдователя и ученаго, подчеркивая его близкое слѣдованіе писателямъ и изслѣдователямъ, служившимъ ему, Лунину, въ качествѣ пособій. Отмѣчая, какъ базисъ учености Лунина, нѣмецкую историческую науку того времени, выясняя здѣсь слѣды гегелевскаго міросозерцанія, проф. Бузескулъ приводитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сопоставленія текста курсовъ Лунина съ соотвѣтствующими мѣстами Гизо, указывающія на усвоеніе взглядовъ французскаго историка. Вотъ одинъ изъ приведенныхъ проф. Бузескуломъ отрывковъ изъ научнаго наслѣдія Лунина, отрывокъ интересный какъ по выраженному здѣсь воззрѣнію, такъ и по манерѣ письма¹⁾. „По нашему мнѣнію—отвѣчаетъ Лунинъ на вопросъ: „что входитъ въ объемъ истинной и полной исторіи?“—исторія проникаетъ все, и мраморъ, и

¹⁾ Въ статьѣ проф. Бузескула стр. 367—368.

холстъ, и пергаментъ, и шелкъ, и домашнюю утварь: ея отголосокъ слышенъ и въ тысячелѣтнихъ сводахъ рыцарскаго замка, и въ развалинахъ древняго абатства, и въ гордыхъ стѣнахъ великолѣпнаго ратсгауза; она говоритъ намъ и въ обломкахъ древней колонны, и въ торсѣ Бельведерскаго Геркулеса, и въ застольномъ кубкѣ феодальнаго владѣльца; она отражается и въ картинахъ Джіотто и Альбрехта Дюрера, и въ убогой одеждѣ смиреннаго пилигрима, и въ тяжелыхъ латахъ крестоваго воина: она, такъ сказать, питается этою живительною атмосферою, и въ ней то историкъ долженъ отыскивать идею каждой эпохи, преслѣдовать ее и освобождать ее отъ разнородныхъ частей; однимъ словомъ: внѣшнія формы жизни каждаго чело-вѣчества, каждаго вѣка суть только инкарнація одной общей идеи, которая условливаетъ эту жизнь и безъ знакомства съ этими внѣшними явленіями мы никогда не будемъ въ состояніи постигнуть ихъ творческаго первообраза¹⁾.

Если вспомнить теперь, что по свидѣтельству слушателей Лунинъ умѣлъ сочетать яркость и рельефность изложенія съ научною содержательностью, если припомнить теперь, какъ заботливо выяснялъ Лунинъ внутренній смыслъ событій, „идею каждой эпохи“²⁾,—то станетъ понятнымъ, чѣмъ именно въ выработкѣ историческаго міросозерцанія помогъ Костомарову Лунинъ, произведшій „рѣшительный поворотъ въ духовной жизни“ слушателя-студента, по собственному признанію этого послѣдняго.

Вспоминая съ сердечною симпатіею о профессорѣ всеобщей исторіи, Костомаровъ совершенно иначе отзывался о Артемовскомъ-Гулакѣ, преподавателѣ русской исторіи: въ этой области менѣе по-счастливилось будущему историку. „Болтунъ и фразеръ“, отличавшійся въ своихъ лекціяхъ „пустымъ риторствомъ и напыщенностью“,

¹⁾ Отмѣтимъ здѣсь, что Лунинъ оцѣнилъ значеніе диссертациі Костомарова о народной поэзіи, не смотря на всю новизну темы для тогдашняго историческаго міросозерцанія—Автобіографія (Русская Мысль, стр. 206: „за меня особенно заступился преподаватель всеобщей исторіи Лунинъ... Послѣ того Лунинъ хлопоталъ о посылкѣ меня за границу для подготовленія на кафедрѣ новой всеобщей исторіи“...) и Автобіографія (Литературное Наслѣдіе стр. 45: „по поводу ея [диссертациі] я сошелся съ профессоромъ Лунинымъ... диссертация ему особенно понравилась и онъ вполне сочувствовалъ моей мысли о введеніи народнаго элемента въ науку. Какъ чело-вѣкъ съ европейскимъ образованіемъ, онъ способенъ былъ смотрѣть шире другихъ ученыхъ мужей стараго закала“...).

²⁾ См. отрывки въ статьѣ Бузескула—стр. 330—331, 339—342, 353.

Артемовскій — по замѣчанію Костомарова — „вѣрный старымъ предразсудкамъ, не понималъ, что исторія, какъ наука, обязана заниматься болѣе народною жизнью, чѣмъ внѣшними событіями“¹⁾. Конечно, это очень рѣзкій отзывъ, но если, сопоставляя его съ другими воспоминаніями, учесть у другихъ слушателей интересъ къ такому именно напыщенному цвѣтистому способу рѣчи, то всѣ эти отзывы сойдутся на одинаковой оцѣнкѣ учености профессора и лекцій. Историкъ Харьковскаго университета проф. Багалъй тоже соглашается съ этими отзывами²⁾, и попытка заподозрить объективность Костомаровской характеристики остается одинокою³⁾.

Нѣсколько детальнѣе выступаетъ ученый обликъ Артемовскаго въ воспоминаніяхъ Де-Пуле⁴⁾. „Артемовскій читалъ русскую исторію по Карамзину, но самъ ровно ничего не сдѣлалъ для этой науки. Обыкновенно—большую половину перваго года читалъ онъ объ источникахъ своей науки, которые всю жизнь собиралъ (а когда то и очень тщательно выбиралъ изъ печатныхъ книгъ и журналовъ, русскихъ и польскихъ); затѣмъ чтеніе продолжалось по Карамзину и Устрялову (курсъ былъ 2-хъ-лѣтній). Студенты ничего не записывали, да и нечего было записать изъ шумихи фразъ и ничтожнѣйшей болтовни... Готовились къ экзамену обыкновенно по учебнику Устрялова“. Вѣрный всецѣло авторитету безсмертнаго Карамзина, Артемовскій всегда отмѣчалъ дерзость „какого-нибудь кушца и прощлеца“, осмѣливагося критиковать „нашего безсмертнаго исторіографа“. „Правительственно-офиціальны“, по выраженію другого слушателя и очевидца, Артемовскій всецѣло придерживался воззрѣній схемы троицы — „православія, самодержавія и народности“ — и совершенно игнорировалъ новыя вѣянія въ области исторіографіи. Лунинъ безъ стѣсненія, по замѣчанію Де-Пуле, совѣтовалъ Артемовскому освѣжить свой научный багажъ, напоминалъ о лѣтописяхъ и новыхъ взглядахъ Полевого, отъ котораго такъ отрекивался всегда Артемовскій. Сопо-

¹⁾ Автобіографія (Русская Мысль) стр. 200. Автобіографія (Литературное Наслѣдіе) 20. 42.

²⁾ Багалъй, Опыт... II, с. 577. 596—598.

³⁾ См. біографію Костомарова въ книгѣ „Историческая записка о дѣятельности Императорскаго Московскаго Археологическаго общества. 1890“, с. 96.

⁴⁾ Де-Пуле, Вѣстникъ Европы 1874. I. 83—85, 91, ср. также въ статьѣ В. Срезневскаго „Изъ первыхъ лѣтъ научно-литературной дѣятельности И. И. Срезневскаго“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1898. I) стр. 24—25 (отзывъ Чирикова), 28, 32 (отношеніе къ диссертациі Срезневскаго).

ставляя всё эти отзывы и указанія, легко подмѣтить, что если и правда—какъ говорилъ самъ о себѣ Артемовскій,—что Артемовскому юношѣ внимали старцы, то уже Костомарову-студенту нѣчему было выучиться у Артемовскаго-профессора. Такимъ образомъ, если вообще съ методомъ историческаго изученія, съ приѣмами научнаго изложенія исторической науки могъ знакомиться даровитый студентъ у талантливаго профессора Лунина, то для будущей своей специальности — русской исторіи Костомаровъ не имѣлъ въ университетѣ полезнаго наставника и руководителя: такимъ руководителемъ не могъ быть „высокопарный Артемовскій, жаловавшійся предъ студентами, что никакъ не можетъ разогнать цвѣтами краснорѣчія скуку удѣльнаго періода“¹⁾.

Очень интересно было бы знать, какъ восполнялъ Костомаровъ самостоятельнымъ научнымъ чтеніемъ недостаточный запасъ вынесенныхъ изъ университета историческихъ знаній. Однако на это нѣтъ прямыхъ указаній, и автобіографія, подробно останавливающаяся, на примѣръ, на впечатлѣніяхъ отъ поэмъ Гомера, не отмѣчаетъ, какимъ путемъ дополнялъ будущій ученый свои историческія познанія, не отмѣчаетъ заинтересовавшихъ и повліявшихъ на него сочиненій изъ области русской или западно-европейской исторіографіи. Такимъ образомъ приходится ограничиться лишь суммарною замѣткою автобіографіи относительно впечатлѣній отъ историческаго чтенія: „исторія сдѣлалась для меня любимымъ до страсти предметомъ: я читалъ много всякаго рода историческихъ книгъ, вдумывался въ науку и пришелъ къ такому вопросу: отчего это во всѣхъ исторіяхъ толкуютъ о выдающихся государственныхъ дѣятеляхъ, иногда о законахъ и учрежденіяхъ, но какъ-будто пренебрегаютъ жизнью народной массы? Бѣдный мужикъ земледѣлецъ-труженикъ какъ-будто не существуетъ для исторіи; отчего исторія не говоритъ намъ ничего о его бытѣ, о

¹⁾ „Среди всеобщаго корыстолюбія, невѣжества и холодности къ наукѣ—суммируетъ Костомаровъ свои университетскія воспоминанія—только кафедра всеобщей исторіи, занимаемая проф. Лунинымъ, безспорно однимъ изъ лучшихъ преподавателей въ лѣтописяхъ нашихъ университетовъ, составляла блестящее исключеніе. Н. И. Костомаровъ (авторъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ) до сихъ поръ съ любовью и благодарностью вспоминаетъ объ этомъ достойномъ и почтенномъ профессорѣ, къ сожалѣнію, давно уже умершемъ, и сознается, что если бы не было въ университетѣ Лунина, то время, проведенное въ званіи студента, надобно было бы считать потеряннымъ“. Автобіографическая записка Костомарова 1860 г., напечатанная въ „Русскомъ Художественномъ Листкѣ“ и перепечатанная въ „Русской Старинѣ“ 1891. II, стр. 486.

его духовной жизни, о его чувствованіяхъ, способъ его радостей и печалей? Скоро я пришелъ къ убѣжденію, что исторію нужно изучать не только по мертвымъ лѣтописямъ и запискамъ, а и въ живомъ народѣ“... Это раннее недоумѣніе относительно односторонности историческихъ изысканій и изученій уже намѣчаетъ будущія особенности научныхъ интересовъ историка ¹⁾. Годы ученичества кончались, наступала пора самостоятельной научной работы и вдумчивой выработки историческаго міросозерпанія.

II.

Этнографическія увлеченія.

Всматриваясь въ далекую молодость, въ процессъ развитія своего историческаго міросозерпанія, Костомаровъ не всегда оказывается въ состояніи установить ясный переходъ взглядовъ и настроеній. Такъ, говоря въ своей автобіографіи о началѣ самостоятельныхъ историческихъ изысканій и этнографическихъ наблюденій, Костомаровъ не отдѣляетъ научнаго взгляда на народъ, какъ главный дѣятель минувшаго, отъ этнографическихъ интересовъ къ современному народному быту, современнымъ взглядамъ и настроеніямъ народнаго быта. Что ранѣе было признано,—необходимость введенія въ кругъ историческихъ изысканій народной жизни, какъ главнаго и основнаго содержанія, или же глубокаго интереса современнаго народнаго быта, какъ своеобразнаго мірка, полнаго чарующей прелести народныхъ пѣсенъ и преданій? Въ дальнѣйшемъ теченіи, конечно, то и другое стремленіе росли и крѣпились рядомъ, одно съ другимъ, но гдѣ былъ исходный моментъ,—на это нѣтъ яснаго отвѣта въ автобіографіи.

Въ краткой запискѣ о жизни и научныхъ трудахъ Костомаровъ замѣчаетъ мимоходомъ, что „такъ какъ народъ, посреди котораго онъ жилъ, были малороссіяне, то онъ полюбилъ и малороссійскую народность и ея языкъ, такъ что сталъ писать на этомъ языкѣ“ ²⁾. Это—сухая, офиціальная замѣтка, но она указываетъ на важный исходный моментъ: Костомаровъ съ ранняго дѣтства находился подъ вліяніемъ украинской народной стихіи, видѣлъ народный бытъ и слышалъ живую народную рѣчь ³⁾. Однако въ юности Костомаровъ

¹⁾ Автобіографія (Литературное Наслѣдіе) стр. 28.

²⁾ Біографическій словарь профессоръ Имп. Университета Св. Владиміра стр. 285.

³⁾ Ср. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи III. 152.

недостаточно владѣлъ живою украинскою рѣчью, а „обыденный мало-россійскій языкъ, слышанный въ деревнѣ“, оказался недостаточнымъ для изученія украинской литературы. Еще въ дѣтствѣ, при отцѣ—вспоминаетъ Костомаровъ—вздумалъ было читать „Энеиду“, но бросилъ, мало понимая (фабулу или языкъ?). Когда позднѣе принялся Костомаровъ за чтеніе сочиненій Квитки, то не могъ понять разсказа „Салдацкій патрет“ и долженъ былъ обратиться за разъясненіями къ знакомымъ украинцамъ и къ своему слугѣ, юношѣ-украинцу. Упомянемъ также, что тѣ же знакомые украинцы подсмѣивались надъ произношеніемъ Костомарова, слыша изъ его устъ украинскія народныя пѣсни ¹⁾).

Теперь, когда рядомъ съ сознаніемъ важности изученія былыхъ судебъ народа явился горячій интересъ къ современной жизни народной массы, Костомаровъ ревностно занимается изученіемъ языка украинскаго—изъ устъ народа и въ литературѣ, интересуется народными пѣснями, народнымъ бытомъ. Стремленіе было искренне и глубоко, а энергія велика. Сознавая себя „бѣднымъ неопитомъ“ въ украинскомъ языкѣ ²⁾, Костомаровъ неутомимо трудится надъ расширеніемъ запаса знаній, черпая и изъ изданныхъ народныхъ пѣсень, и изъ литературныхъ украинскихъ произведеній, изъ бесѣды съ украинцами изъ народа и изъ разспросовъ у знакомыхъ. Эти знанія не остаются лишь словарнымъ богатствомъ, Костомаровъ бросаетъ свои бывлыя упражненія въ русскомъ стихотворствѣ и начинаетъ писать по-украински стихи и драматическія сцены и переводить на украинскій языкъ съ русскаго ³⁾ и другихъ языковъ. Это были быстрые успѣхи, и скептически ⁴⁾ настроенные друзья Костомарова должны были наконецъ сдаться.

¹⁾ Автобіографія (Лит. Насл.), стр. 29 и Автобіографія (Р. Мысль), стр. 203.

²⁾ Метлинскій—пишетъ Костомаровъ въ одномъ своемъ украинскомъ письмѣ къ Срезневскому 1839 г.—„такъ заразъ и заеңкуе, на те винъ козакъ и батько его козакъ и дѣди его козаци, весь ридъ его козаци украинскіи, а я бідный неопитъ, перекрещенець, перевертень и тимъ тильки минѣ можно и простити, що хочъ може я и не вмѣю гораздъ зовсѣмъ переродиться, такъ коханье у мене щире и сердце за Вкраину бьється бильше, ніжъ у якого справжного южнорусса“. Вс. Срезневскій. Изъ первыхъ лѣтъ научно-литературной дѣятельности И. И. Срезневскаго. *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1898. I, стр. 16.

³⁾ Напр., Свѣтлану Жуковскаго.

⁴⁾ Автобіографія (Р. Мысль) стр. 204. Автобіографія (Лит. Насл.) стр. 31 (интересно указаніе о Метлинскомъ). Костомаровъ отмѣчаетъ, какъ глубоко прикрѣпнувшей у него самого симпатіи къ украинской народной рѣчи шокировало и

Рядомъ съ этимъ увлеченіемъ украинскою литературою крѣпнеть у Костомарова и собственно этнографическій интересъ. Самъ историкъ отмѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о вліяніи на усиленіе этнографическихъ интересовъ повѣстей Гоголя изъ украинской жизни, изданныхъ Максимовичемъ народныхъ пѣсень и наконецъ „Запорожской Старины“ Срезневскаго ¹⁾: чтеніе это раскрыло Костомарову глаза на окружающій народный бытъ и указало здѣсь интересныя стороны, обыкновенно оставлявшіяся безъ вниманія. „Меня поразила и увлекла неподдѣльная прелесть малорусской народной поэзіи; я никакъ и не подозрѣвалъ, чтобы такое изящество, такая глубина и свѣжесть чувства были въ произведеніяхъ народа, столько близкаго ко мнѣ и о которомъ я, какъ увидѣлъ, ничего не зналъ“.... Разъ пробудившись, новый интересъ всецѣло захватываетъ Костомарова, и со своимъ обычнымъ увлеченіемъ онъ занимается теперь этнографическими наблюденіями. Переходя изъ села въ село, присматривается онъ къ особенностямъ быта, мѣстнымъ своеобразностямъ народной рѣчи, запоминаетъ народныя пѣсни и преданія, присматриваясь вмѣстѣ съ тѣмъ и къ памятникамъ былого ²⁾. Приходилось порою наталкиваться на недовѣріе и подозрительность крестьянъ, а, съ другой стороны, эти этнографическія увлеченія, поѣздки по селамъ и общеніе съ народомъ возбуждали недоумѣніе среди профессорскаго круга ³⁾, бросая тѣнь на научныя способности начинающаго ученаго, и, кажется, эти недоумѣнія отчасти были причиною того, что Костомаровъ не остался въ преподавательскомъ персоналѣ Харьковскаго университета, но это обстоятельство не охладило этнографическихъ увлеченій Костомарова. Если вспомнить, какъ Костомаровъ всегда интересовался этнографическими матеріалами, какъ всегда подчеркивалъ тѣсную связь этнографіи и исторіи, какъ часто онъ самъ прибѣгалъ къ этнографическимъ даннымъ для изученія и „уразумѣнія народнаго духа“ въ отдѣльных народностяхъ или историческихъ эпохахъ,—если припомнить все это, легко понять, какую роль играли въ выработкѣ историческаго міросозерцанія Костомарова эти раннія этнографическія наблюденія и экскурсіи.

оскорбляло его пренебрежительное отношеніе къ ней у другихъ. Автобіографія (Р. Мысль) стр. 203. Автобіографія (Лит. Насл.) стр. 32.

¹⁾ Автобіографія (Р. Мысль) 202. Автобіографія (Лит. Насл.) стр. 28.

²⁾ Автобіографія (Р. Мысль) 203—204. Автобіографія (Лит. Насл.) 29—30.

³⁾ Автобіограф. записка (Біографич. Словарь) стр. 285. Автобіографія (Р. Мысль) стр. 206.

Здѣсь, говоря о началѣ этнографическихъ интересовъ Костомарова, кажется, уместнѣе всего будетъ остановиться детальнѣе на важномъ эпизодѣ Харьковской жизни историка, именно на знакомствѣ его съ И. И. Срезневскимъ. Самъ Костомаровъ заявляетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что сближеніе съ Срезневскимъ „сильно содѣйствовало стремленію къ изученію малорусской народности“ ¹⁾. „Знакомство это возымѣло надолго сильное на меня вліяніе—вспоминаетъ Костомаровъ о своихъ харьковскихъ годахъ. Измаиль Ивановичъ, въ то время хотя еще очень молодой человѣкъ, былъ глубоко начитанъ, замѣчательно уменъ и съ большимъ жаромъ и охотою къ научному труду. Я сталъ часто посѣщать его и домъ его сдѣлался для меня любимымъ мѣстомъ отдыха и обмѣна мыслей“. Обаяніе личности усиливалось глубокимъ интересомъ къ литературной и ученой дѣятельности Срезневскаго: въ воспоминаніяхъ подчеркнуто искреннее увлеченіе богатствомъ и новизной „Запорожской Старины“ ²⁾.

И. И. Срезневскій былъ на 5 лѣтъ старше Костомарова (р. 1812 г., а другой въ 1817). По роду—рязанецъ, по рожденію—ярославецъ, онъ провелъ дѣтство и юность въ Харьковѣ, гдѣ въ университетѣ отецъ его былъ профессоромъ по кафедрѣ русскаго краснорѣчія и поэзіи. Рано молодой юноша поступилъ въ университетъ—14 л. и скоро кончилъ тогдашній университетскій трехъ-годичный курсъ—17 л. кандидатомъ юридическихъ наукъ въ 1829 г. ³⁾.

Различные отзывы сходятся въ выясненіи основныхъ душевныхъ качествъ юноши Срезневскаго. Всѣ они свидѣтельствуютъ о необыкновенной привлекательности его душевнаго облика. „Добрѣйшей души“—онъ былъ внимателенъ къ знакомымъ и друзьямъ и готовъ былъ дѣлиться съ ними всѣмъ. И позднѣе случайные знакомые скоро сходились съ Срезневскимъ и долго сохраняли къ нему глубокія симпатіи ⁴⁾.

¹⁾ Автобіографія (Лит. Насл.) стр. 29.

²⁾ Ibid., стр. 28—29, 37.

³⁾ Біографія И. И. Срезневскаго, написанная В. Ламанскимъ въ книгѣ: Историч. Записка о дѣятельности Импер. Московскаго Археологич. Общества. 1890.

⁴⁾ См. въ статьѣ И. П. Сокальскаго (предисловіе къ переизданному „Историческому обзорѣнію гражданскаго устроенія Слободской Украины“ Срезневскаго), въ статьѣ Вс. Срезневскаго „Изъ первыхъ лѣтъ“... Стр. 12—16 (отношенія къ Метлинскому и Костомарову), „Путевыя письма изъ славянскихъ земель“ (то-же) „Письма П. И. Прейса къ М. С. Куторгѣ, И. И. Срезневскому etc.“ (отношенія къ П. И. Прейсу). Для выясненія духовнаго облика Срезневскаго вообще очень важны его отношенія къ матери, см. его письма къ ней: „Изъ переписки И. И. Срезневскаго 1829 — 1839 гг.“ („Кіевская Старина“ 1901. VI, VII) и особенно „Путевыя

Въ умственномъ отношеніи Срезневскій представляетъ собою въ эти года даровитаго, отзывчиваго, разносторонне-образованнаго и увлекающагося юношу ¹⁾. Юристъ по университетскому образованію, магистръ и адъюнктъ университета по кафедрѣ политической экономіи и статистики, Срезневскій не ограничивался этими рамками: онъ увлекается музыкою и театромъ, пишетъ рассказы, изучаетъ украинскій языкъ и этнографію, пишетъ статьи по украинской исторіи, собираетъ и издаетъ памятники народной поэзіи, наконецъ интересуется славянскими языками, литературами славянскими и славянскою исторіею. И все это рядомъ съ занятіями по своей специальности—статистикѣ, о которой не мало интересныхъ мыслей, удивившихъ официальныхъ критиковъ своею новизною, провелъ Срезневскій въ своей диссертаци (докторской): „Опытъ о предметѣ и элементахъ статистики и политической экономіи“ (1839) ²⁾.

Основною чертою духовнаго облика Срезневскаго была глубокая впечатлительность, отзывчивость ума ³⁾: въ окружающей средѣ и обстановкѣ отъ его наблюдательности не ускользало ничто интересное; а интересъ, углубляясь, переходилъ непримѣтно въ увлеченіе. Великороссъ по происхожденію, Срезневскій, выросши въ Украинѣ, присматривается внимательно къ окружающему и увлекается, какъ внимательный и чуткій наблюдатель ⁴⁾, чарующею прелестью народ-

письма изъ славянскихъ земель“ С.-Пб. 1895 (здѣсь же въ предисловіи стр. VIII—X о Е. И. Срезневской).

¹⁾ О занятіяхъ украинскою этнографіею и исторіею см. ниже. Занятія статистикою—у Ламанскаго стр. 253—260; планы дальнѣйшихъ работъ—у Вс. Срезневскаго стр. 21; судьба докторской диссертаци—у Вс. Срезневскаго стр. 32. Интересъ къ славистикѣ—у Ламанскаго стр. 246—248, 251. Планы статей—у Вс. Срезневскаго стр. 22, 31 (планъ словаря) ср. у Барсукова Жизнь и труды М. П. Погодина V, 190, 192. Другіе научные интересы—исторія религій—у Ламанскаго 253. Повѣсти: „Маіоръ, Маіоръ!“ и „Rapsodia Sonatina“ въ „Москов. Набл.“ 1836 и 1837 гг. (ссылки Срезневскаго—„Путевыя письма“ стр. 162, 166). Увлеченіе музыкою и театромъ—см. отзывы и впечатлѣнія въ „Путевыя письма“ *passim*, *cfr.* письма Прейса—„Письма П. И. Прейса“... стр. 39—47.

²⁾ Содержаніе изложено у Ламанскаго—стр. 254—257. Судьба диссертаци и отношеніе Артемовскаго—у Вс. Срезневскаго стр. 32.

³⁾ Эта живая воспримчивость къ окружающему отмѣчена въ сравненіи умственныхъ склонностей Прейса и Срезневскаго самимъ П. И. Прейсомъ и видѣвшимъ ихъ обоихъ В. В. Ганкою—„Письма П. И. Прейса“... стр. 40, 108. О наблюдательности П. И. Срезневскаго—у Вс. Срезневскаго стр. 33¹ (мнѣніе Анастасевича). „Письма П. И. Прейса“ 112 (Бодянскаго), у Ламанскаго—261 (Шафарика).

⁴⁾ Именно внимательный и чуткій ученый: Ламанскій напрасно называетъ Срезневскаго „пламенный украинецъ“ (стр. 246), вѣрнѣе у Вс. Срезневскаго стр. 3:

ной поэзии и мощными отголосками былыхъ эпохъ; одинаково заинтересовывается онъ и современною украинскою литературою ¹⁾, и отголосками былого: такъ являются его сборники народныхъ произведений и статьи по украинской исторіи. Увлекаясь самъ, Срезневскій умѣетъ передать свои интересы и другимъ, и вотъ около него складывается кружокъ товарищей съ одинаковыми интересами (сначала квартетъ ²⁾ — Шпигоцкій, Росковшенко и два брата Евецкіе), послѣ кружокъ расширяется съ появленіемъ новыхъ друзей и знакомыхъ (Валимъ Пасекъ, Метлинскій, Костомаровъ).

Начало этнографическихъ наблюдений И. И. Срезневскаго на основаніи его замѣчаній въ предисловіи къ „Запорожской Старинѣ“ (1833) о семилѣтнемъ трудѣ относятся къ 14-лѣтнему возрасту, къ 1826 г. ³⁾. Съ особенною энергіею и успѣшностью занимается Срезневскій со-

„онъ не сталъ малороссомъ... относился ко всему этому какъ наблюдатель, а не какъ патріотъ-украинецъ“... См. письма И. И. Срезневскаго „Кіевская Старина“ 1901. VI. 325... я желаю, „подобно птичкѣ полуденной, вскормленной на чуждой сторонѣ, полетѣть на свою невиданную родину; и полетѣлъ и чѣмъ далѣе ѣду, тѣмъ болѣе знакомлюсь съ нею. Представьте, маменька, какъ должно биться мое ретивое“...; стр. 327 — о Москвѣ. „Любителямъ Славянины“ — „Срезневскій-ярославецъ“ читаемъ въ посвященіи „Украинскаго Сборника“. X. 1838. Интересно сопоставить съ этимъ нѣкоторые замѣчанія „Путевыхъ писемъ“: сопоставьте, напримѣръ, замѣчаніе: „Гамалея — не товарищъ, но хохоль и, слѣдовательно, свой братъ“ (стр. 3), съ другимъ: „самъ чувствую, что мнѣ легче говорить по чешски, нежели по французски или по малороссійски“ (стр. 108).

¹⁾ Интересуясь самъ украинскою литературою, Срезневскій старался при случаѣ знакомить съ нею и другихъ; такъ въ проѣздъ черезъ Москву 1839 г. онъ знакомитъ тамъ своихъ новыхъ знакомыхъ съ литературною дѣятельностью харьковскихъ друзей, передаетъ Вельтману „Савву Чалаго“ и „Украинскія Баллады“ и рекомендуетъ Метлинскому и Костомарову послать Вельтману ихъ книги „Думки и пѣсни“ и „Вѣтку“. „Путевыя письма“ стр. 19. Точно также знакомитъ Срезневскій съ украинскою литературою и пражанъ *ibid.* стр. 86. Встрѣтись за границею съ П. И. Прейсомъ, Срезневскій подарилъ тому экземпляръ „Наталки-Полтавки“ (въ Кенигсбергѣ; позднѣе Прейсъ сообщаетъ Срезневскому реестръ украинскихъ книгъ въ своей библіотекѣ и проситъ пополнить ее въ этомъ отношеніи. Письмо П. И. Прейса стр. 83).

²⁾ Болѣе горячимъ украинифиломъ былъ изъ нихъ Шпигоцкій: „о другъ мой — пишеть онъ Срезневскому — „ревнуй, ревнуй о пробужденіи малороссійскаго генія... Миновалось ея (Украины) козакованіе на поляхъ бранныхъ; не полагать уже козаку меча своего на вѣсы судебъ; закозакуе же онъ теперь на поляхъ сладкаго пѣснопѣнія“ (Вс. Срезневскій стр. 4). О постепенномъ расширеніи кружка И. И. Срезневскаго — у Вс. Срезневскаго стр. 3—6. 8—17.

³⁾ Вс. Срезневскій — стр. 7, *cf.* въ письмѣ къ матери Кіев. Стар. 1901. VII, 203 („трудъ мой почти семилѣтній“).

бираниємъ народныхъ пѣсенъ и историческихъ преданій въ бытность домашнимъ учителемъ въ имѣніи Подольскихъ около Днѣпровскихъ пороговъ (1832—33 гг.). Уже въ самомъ началѣ своего здѣсь пребыванія высказываетъ Срезневскій увѣренность, что накопить здѣсь „пропастъ, цѣлую пропастъ для своей украинской скрини“¹⁾. Дѣйствительно, онъ не теряетъ никакого случая расширить свое этнографическое собраніе: уже по дорогѣ списалъ онъ „въ Водолажскомъ хуторѣ три пѣсни и одну думу, во Вшивой — пять пѣсенъ — и только. Правда, что пѣсни всѣ историческія, но все слишкомъ мало; я ожидалъ болѣе... слышалъ сказку о Серіягѣ, пояснившую мнѣ какъ нельзя лучше одну думу, слышалъ нѣсколько миеологическихъ преданій, записалъ двѣ страницы поговорокъ, вписалъ нѣсколько словъ въ лексиконъ — вотъ и все... онъ мнѣ наговорилъ пропастъ преданій о Самарѣ. У меня сердце билось крѣпко, когда онъ мнѣ ихъ рассказывалъ; потомъ продиктовалъ пѣсеню про рѣку Самару, наконецъ — думу“... Въ Варваровкѣ матеріалъ разнообразится: „украинская скриня моя выросла или, лучше сказать, подросла очень примѣтно... Последнее время я занимаюсь собираніемъ преданій о запорожцахъ. Въ воскресенье ожидаю къ себѣ старика-болтуна, который долженъ рассказать многое... Я теперь, маменька, знаю старину запорожскую, какъ свою собственную жизнь. Мало-по-малу я собралъ свѣдѣній очень много. Особенно мнѣ помогъ Гречка, о которомъ я писалъ въ прошломъ письмѣ. Часовъ пять я провелъ прошлое воскресенье на Вороной, все разговаривалъ съ стариною, и слышалъ и узналъ очень многое. Гречка былъ самъ запорожцемъ и всему очнымъ свидѣтелемъ, жаль что ему измѣняетъ иногда память, но въ такомъ случаѣ я его недоумливаю, онъ припоминаетъ, исправляетъ мои ошибки и дѣло ладно... На этихъ дняхъ у меня была развалина запорожская, старикъ лѣтъ 80, бандуристъ. Много я разспрашивалъ его, многое узналъ. Списалъ нѣсколько думъ и пѣсней старинныхъ. Теперь, маменька, я знаю Запорожье не хуже азбуки. Мало-по-малу, тихо-по-тиху, да и доползъ“...

Такъ постепенно обогащались записи И. И. Срезневскаго: отдѣльными отрывками появляются онѣ въ печати въ „Украинскомъ Аль-

¹⁾ Письма къ матери Кіев. Стар. 1901. VI. 332, 333, VII, 214, 219, 221, 223; словацкія пѣсни VII, 214; валашскія 219. Болѣе позднее упоминаніе о собираніи свѣдѣній — въ письмѣ И. М. Снегиреву 1839 г.: „авось обогащу свой запасъ малороссійскихъ народностей“... Вс. Срезневскій — стр. 33, тамъ же въ примѣчаніи 3 о дневникѣ И. И. Срезневскаго; письма того времени — Кіев. Старина 1901. VII.

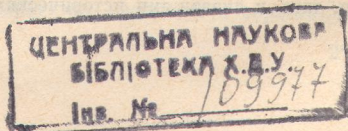
манахъ“ (1832), въ примѣчаніяхъ къ словацкимъ пѣснямъ въ сборникѣ того же имени (1832) и въ альманахѣ „Утренняя Звѣзда“ ч. II (1833). Въ томъ же году начинается выходить серія книжекъ „Запорожской Старины“, оказавшей такое сильное впечатлѣніе на современниковъ свѣжестью и богатствомъ своего содержанія, раскрывавшаго новый міръ своеобразной прелести и художественности.

Подъ вліяніемъ этнографическихъ увлеченій крѣпнеть и углубляется представленіе о народности ¹⁾. Уже позднѣе (1836), въ своей диссертациі Срезневскій изложилъ между прочимъ свои взгляды на народное творчество: „люди очень ошибаются — замѣчаетъ онъ здѣсь — говоря напримѣръ: „этотъ народъ имѣетъ отвращеніе отъ просвѣщенія, потому что у него не являются ученые книги и мало школъ и грамотности мало, — вотъ народъ безъ литературы, безъ понятій объ изящномъ“. Благодаря развитію понятій, въ наше время такіа понятія становятся рѣже: не въ догматахъ и обрядахъ религіи, но въ духѣ и въ направленіи всѣхъ вѣрованій народа должно искать его вѣру, — самый ученый медикъ или естествословъ можетъ и долженъ учиться у народа естественной исторіи и медицинѣ, и философъ — философіи, и даже философъ-историкъ философіи исторіи; едва ли не всякій народъ, сколько бы ни былъ онъ дикъ, имѣетъ свою литературу и не ничтожную ни предъ Иліадой, ни предъ трилогіей Данта, ни предъ драмой Кальдерона и Шекспира“. При такомъ отношеніи къ народному творчеству понятно, какъ Срезневскій называетъ народныя пѣсни и думы — „драгоцѣнности народности Южно-Русской“ или защищаетъ въ письмѣ къ И. М. Снегиреву литературную будущность украинскаго языка: „и почему же глубокомысленный Сковорода, простодушный Котляревскій, богатый фантазіей Артемовскій, всегда игривый, всегда увлекательный Основьяненко и еще нѣсколько другихъ, польстившихъ обѣщаніями и надеждой выждать отъ нихъ что нибудь достойное Украины, — почему должны они остаться одни въ джунгляхъ дикой пустыни украинской литературы? Языкъ Хмельницкаго, Пушкиря, Дорошенки, Палія, Кочубея, Апостола долженъ по крайней мѣрѣ передать потомству славу сихъ великихъ людей Украины“... Въ основѣ увлеченія народностью лежали романтическіе отголоски.

¹⁾ У Ламанскаго — стр. 259. Письмо къ Погодину у Барсукова Жизнь и труды V, 192 (1838). Письмо къ Снегиреву — „Взглядъ на памятники Украинской народной словесности“ (Учен. Зап. Имп. Московскаго Ун. 1834 г.), отрывокъ у Ламанскаго — стр. 248. Припомнимъ здѣсь же и отзывъ Срезневскаго о 2-ой диссертациі Костомарова.

„Что за пѣсня! — замѣчаетъ какъ-то Срезневскій въ письмѣ къ матери: „молодой козакъ простился уже съ своею матерью, съ сестрою, своею милою, — и вотъ онъ мчится, одинокій, по пространной степи — и долгогривый конь его, чуя близость земли вражеской, взрываетъ копытами землю и пылью закрываетъ отъ молодого воина даль родимую, — но пыль не занесетъ звуковъ: козакъ слышитъ прощаніе матери, тоску сестры, слезы милой — и мчится быстрѣе къ землѣ враговъ своихъ“ ¹⁾... Полнѣе отразилось это настроеніе Срезневскаго въ предисловіи къ „Запорожской Старинѣ“. „Въ нихъ (пѣсняхъ и думахъ запорожскихъ) все дико, подобно дубравамъ и степямъ, воспринявшимъ ихъ на лоно свое при рожденіи, — все порывисто, подобно полету урагана степного, подъ глухія завыванія котораго онѣ взлелѣяны, все бурно, подобно минувшей жизни Запорожья. Нѣжное чувство нерѣдко пробивается сквозь грубую оболочку оныхъ, но какъ кипячая волна Ненасытенечкой пучины Пекла среди холода зимняго, сквозь прозрачную кору льда ее покрывающую, пробивается и застываетъ на ней. То пѣсни юноши, коего сердце, почерствѣвши для умильнаго чувства любви, суровое и непреклонное, радуется одною радостію побѣды и добычи, питается однимъ желаніемъ битвы, юноши, который равнодушно взирая на гибель своихъ сподвижниковъ, съ отчаяніемъ отмщевая за смерть ихъ врагамъ, равнодушно ждетъ своей участи, равнодушно, съ надеждою жить въ памяти потомства: эти пѣсни дышатъ отвагою, самонадѣянностью. — То думы старца: убѣленная лѣтами голова его покоится на изголовьи могилы, готовой принять его въ свои нѣдра; его надежды исчезли, будто дымъ сновидѣній; но его душѣ осталась еще одна улада, то воспоминанія минувшаго, то звуки бандуры, ихъ возбуждающіе; и взоры его, прежде пылавшіе буйнымъ пламенемъ воинственности, теперь померкшіе, испепелившіеся, блистаютъ слезой печали о минувшемъ, и голосъ его уже увядшій, тихій, едва внятный, оживляется, мужаешь, повторяя въ унылыхъ напѣвахъ преданія своего времени, своего по-

¹⁾ Киев. Старина 1901. VI стр. 329 (1832). Предисловіе къ „Запорожской Старинѣ“ переиздано у Вс. Срезневскаго стр. 34—38. Сfr. замѣчаніе Ламанскаго о статьяхъ И. И. Срезневскаго: „несомнѣнная даровитость и большая начитанность, обнаруженные въ разныхъ статьяхъ и историческихъ очеркахъ, не прикрываютъ недостатка въ трезвомъ критическомъ отношеніи къ источникамъ и пособіямъ, и риторически-морализующаго и сентиментальнаго характера, въ манерѣ Нѣмцевича или его подражателя у насъ Рылѣва, въ изображеніи запорожцевъ и разныхъ великихъ людей Украины“ (стр. 249).

колѣнія: въ думахъ нѣтъ той непринужденности, той свободы чувства, которая горитъ въ пѣсняхъ; въ нихъ смѣнила ее старческая вялость, нестройность чувства, хотя глубокаго и самобытнаго. Въ пѣсняхъ выразилась лирика и драматика народной поэзіи запорожцевъ; въ думахъ — мрачный, холодный эпизмъ“...

По этимъ отрывкамъ можно судить о тогдашнихъ взглядахъ И. И. Срезневскаго на отзвуки минувшаго въ народныхъ украинскихъ пѣсняхъ и думахъ; по отдѣльнымъ указаніямъ въ письмахъ къ матери мы можемъ представить себѣ дѣятельность молодого этнографа по собиранію народныхъ пѣсенъ и преданій о минувшемъ. Какъ же воспользовался Срезневскій собраннымъ этнографическимъ запасомъ?

Оставляя въ сторонѣ первыя изданныя Срезневскимъ извлеченія изъ запаса, скопленнаго въ раннюю пору этнографическихъ увлеченій, — займемся пока (его первымъ отдѣльнымъ сборничкомъ этнографическаго характера, книжечкою подъ заглавіемъ „Словацкія пѣсни“. Это маленькое изданіе небольшого формата съ предисловіемъ, помѣченнымъ 8-го января 1832 г., и съ цензурною отмѣткою 8-го февраля того же года. Начинается оно съ замѣтки о словакахъ и эпиграфа изъ Мстиславова договора о болѣе сохранности закрѣпленнаго грамотою, далѣе идутъ пѣсни и пѣсенки — всего числомъ 20 — въ русской транскрипціи; къ нимъ прибавлены замѣчанія о выговорѣ и небольшой словарькъ. Наконецъ — переводы пѣсенъ на русскій языкъ, объяснительныя замѣчанія, да двѣ украинскія параллели ¹⁾.

¹⁾ По поводу одной словацкой пѣсни Срезневскій замѣчаетъ: „что можетъ быть простодушіе и очаровательнѣе сего разсказа! Да, не смотря на то, что Украину почитаютъ Славянскою Авзоніей, подобныхъ пѣсенъ найдете не много между украинскими. А если слышать ее изъ устъ какой-нибудь миловидной горинки, звонкій голосъ которой передается ущельями горъ... и въ каменномъ сердцѣ породится сочувствіе“ стр. 47. Въ другомъ мѣстѣ сопоставляя двѣ сходныя по темѣ пѣсни — словацкую и украинскую, Срезневскій замѣчаетъ: „если сравнить между собою эти двѣ пѣсни, то я думаю, первая (словацкая) превзойдетъ вторую въ богатствѣ чувства; вторая первую богатствомъ воображенія и очарованія. — Въ первой дышетъ природа; во второй виденъ отпечатокъ искусства. Первая рѣшительно народна; послѣдняя не совѣтъ“ — стр. 51. А вотъ и еще замѣчаніе по поводу одной пѣсни: „пѣсня эта есть общая, какъ мнѣ кажется, всѣмъ славянскимъ племенамъ. Я имѣю списки оной: польскіе, украинскіе; слышалъ русскую подобную; читалъ богемскую, сербскую. Представляю списокъ, сдѣланный въ Лебединѣ И. В. Росковшенковымъ... эта пѣсня очень любопытна и даже важна при историческихъ изысканіяхъ о славянахъ. Я надѣюсь въ скоромъ времени издать всѣ списки оной, мнѣ извѣстные, и какъ настоящими обычаями, такъ и сказаніями историческими, пояснить странное отношеніе брата и

Издание это прошло незамѣченнымъ, гораздо цѣннѣе и больше вниманія возбудила „Запорожская Старина“, серія небольшихъ книжечекъ. Заглавіе нѣсколько уже содержанія, — это вообще украинская старина. Въ основу здѣсь тоже положены тексты пѣсенъ вмѣстѣ съ переводами на русскій языкъ. Таковъ, кажется, былъ первоначальный планъ, и даже держись его одного, Срезневскій далъ бы современникамъ цѣльный систематическій подборъ историческихъ пѣсенъ украинскаго народа. Но затѣмъ издатель расширилъ свой первоначальный планъ; не ограничиваясь необходимыми объяснительными примѣчаніями, авторъ сопоставляетъ различныя свидѣтельства объ описываемыхъ въ пѣсняхъ событіяхъ и происшествіяхъ и переходитъ затѣмъ отъ такихъ примѣчаній къ цѣльнымъ историческимъ экскурсамъ. Такимъ образомъ задуманный сначала сборникъ пѣсенъ превращается теперь въ сборникъ матеріаловъ для исторіи украинской, сперва просто подобранныхъ хронологически по отдѣльнымъ эпизодамъ, а потомъ и разработанныхъ самимъ авторомъ въ видѣ цѣльныхъ, законченныхъ историческихъ эскизовъ.

„Я имѣю въ виду—заявляетъ въ самомъ началѣ издатель—оказать услугу, хотя и маловажную, не однимъ любителямъ народной поэзіи, но преимущественно любопытствующимъ знать старину запорожскую,—быть, нравы, обычаи, подвиги этого народа воиновъ... Лѣтописи украинскія повѣствуютъ только о подвигахъ сего народа, касаясь очень рѣдко до внутренней жизни его, и самые даже подвиги описываютъ иногда кратко, иногда невѣрно, сбивчиво, часто противорѣча одна другой“... Недостаточность этихъ источниковъ для изученія внутренней жизни Запорожья заставляетъ обратиться къ памятникамъ народной поэзіи, къ думамъ, пѣснямъ и преданіямъ: неточности и ошибки народныхъ пѣсенъ и думъ могутъ быть провѣрены и исправлены сопоставленіемъ отдѣльныхъ пѣсенъ и думъ, привлеченіемъ—далѣе—сюда данныхъ и указаній лѣтописей и хроникъ: такимъ образомъ, въ результатъ такихъ сопоставленій и сравненій явится рядъ достовѣрныхъ данныхъ, намѣчающихъ картину минувшей жизни Запорожья, „жизни, хотя и грубой, но величественной, поэтической!“... 1).

сестры, существовавшее въ самое отдаленное время между всѣми славянскими племенами“—стр. 54, 57.

1) Вотъ еще отзывъ о запорожцахъ: „этого народа воиновъ, который своею храбростію и смѣлостію, своимъ вліяніемъ на весь юго-востокъ Европы и даже Малую Азію, особенно въ XVII столѣтіи, своимъ страннымъ составомъ и образомъ жизни и

Въ первомъ выпускѣ „Запорожской Старины“ приводитъ издатель историческія справки и данныя только для объясненія напечатанныхъ здѣсь историческихъ пѣсенъ и думъ; во второмъ помѣщаетъ онъ сказанія о происхожденіи казачества и о гетманахъ запорожскихъ; въ третьемъ—помѣщена сводная хроника о событіяхъ въ Украинѣ, начиная съ кончины Баторія и кончая гибелью Полтора-Кожуха и построеніемъ Кодака; при чемъ къ отдѣльнымъ эпизодамъ этой хроники присоединены отдѣльныя объясненія и разъясненія въ концѣ книжки.

Хмельницкому посвященъ отдѣльный выпускъ „Украинская лѣтопись 1640 — 1654“, послѣдующему полустолѣтію — тоже книжечка „Украинскія были 1657 — 1710“, распадаящаяся на пять этюдовъ: 1) Выговскій и Пушкаръ. 2) Юрій Хмельниченко. 3) Бруховецкій. 4) Самойловичъ и Мазепа. 5) Палій. Это уже цѣльные и законченные историческіе очерки, съ біографическою канвою по отдѣльнымъ дѣятелямъ этого бурнаго и тревожнаго времени. Чтѣ составляло въ первомъ выпускѣ главное содержаніе,—народныя думы и пѣсни,—здѣсь вынесено въ примѣчанія и ссылки на предшествующіе выпуски вмѣстѣ съ критическими замѣчаніями и отмѣтками объ ихъ достовѣрности или подлинности.

Интересно отмѣтить постепенное нарастаніе критическаго чутія и критическаго отношенія къ своимъ источникамъ. Въ предисловіи къ книжечкѣ „Украинскія были, 1657—1710“ перечисливъ по группамъ использованные источники, Срезневскій замѣчаетъ въ концѣ: „вездѣ, гдѣ только можно было, повторялъ дословно сказанія старыхъ лѣтописцевъ; довѣрялъ имъ, гдѣ онѣ не противорѣчили между собою, а гдѣ противорѣчили, выбиралъ сказаніе того лѣтописца, котораго считалъ болѣе достойнымъ уваженія. Вообще я разсматривалъ сказанія лѣтописцевъ, какъ преданія, и какъ преданія передавалъ ихъ“. Сοобразно съ этимъ въ концѣ отдѣльныхъ этюдовъ мы встрѣчаемъ указанія на данныя источниковъ и на ихъ взаимоотношеніе ¹⁾. Точно

характеромъ, будучи отличенъ отъ всего, его окружавшаго, заслужилъ мѣсто въ памяти потомства“...

¹⁾ Напр., стр. 50: „главнѣйшимъ источникомъ для этого сказанія были для меня Записки Шафонскаго. Незначительныя дополненія сдѣланы по другимъ лѣтописямъ, которыхъ извѣстія сравнивалъ я съ повѣствованіемъ Бантыша-Каменскаго и съ актами. Извѣстіе о смерти Юрія взято изъ Записокъ Шафонскаго: оно подробнѣе другихъ и, кажется, правдоподобнѣе“. Ср. стр. 85: „Я свѣрялъ ихъ (Записки Шафонскаго) съ другими Лѣтописями, но слѣдовалъ Шафонскому. Остальное взято изъ Записокъ Гор-

также внимательнѣе ¹⁾ и критичнѣе относится Срезневскій и къ народнымъ пѣснямъ: „ошибки противъ языка могли случиться въ переписи; но ошибокъ противъ народности нельзя же приписать писцу“ — замѣчаетъ какъ-то Срезневскій, устанавливая критеріи для выдѣленія подозрительныхъ пѣсень и думъ. Такія-то грубыя ошибки противъ языка и народности заставляютъ Срезневскаго заподозрить подлинность двухъ пѣсень о Гордіенкѣ и Паліѣ, при чемъ умѣреннѣе высказывается Срезневскій противъ первой, рѣзче—противъ второй; высказываетъ онъ сомнѣнія также и объ одной пѣснѣ, касающейся измѣны Мазепы ²⁾. Очень интересны нѣкоторыя общія замѣчанія о признакахъ подлинныхъ запорожскихъ пѣсень: извѣстная выдержанность въ схемѣ изложенія, своеобразный циклъ образовъ, отличающій эти пѣсни отъ другихъ, — напр., женскихъ, наконецъ „историцизмъ“. „Читатели Запорожской Старины—замѣчаетъ Срезневскій—могли замѣтить, что запорожскія пѣсни, если онѣ полны, отличаются особенною правильностію расположенія, а если сохранились въ отрывкахъ, то каждый отрывокъ имѣетъ въ нѣкоторой степени свою цѣлость... Другое важное достоинство пѣсень запорожскихъ—историцизмъ, только облеченный—и то не всегда—въ формы поэтическія“ и отсутствіе такого историцизма—доводъ противъ подлинности пѣсни ³⁾.

Книжечки „Запорожской Старины“ произвели сильное впечатлѣніе на публику, особенно на лицъ, интересующихся украинскою народною поэзіею и украинскою исторіею. Съ отзывомъ Костомарова можно сопоставить и слова Гоголя въ его письмѣ къ Срезневскому: „гдѣ выкопали вы столько сокровищъ? всѣ думы, особенно повѣсти бандуристовъ, ослѣпительно хороши“... Любителямъ были извѣстны и раньше

дона“. Ср. стр. 109. Еще немного и критическое чутье Срезневскаго по отношенію къ историческимъ источникамъ окончательно окрѣпло бы и эволюція его критическаго воспитанія была бы закончена.

¹⁾ Разборъ намека пѣсень бандуристовъ объ Иванѣ Хмельницкомъ — стр. 122. Расчлененіе пѣсни на три отрывка съ отдѣльными сюжетами—стр. 124—125. Указаніе пропуска въ извѣстномъ спискѣ пѣсни: „Я былъ бы счастливъ, еслибъ этимъ указаніемъ заставилъ любителей старины украинской, имѣющихъ случай потрудиться разузнать, нѣтъ ли этой середины въ памяти кого-нибудь, и потомъ издать это важное дополненіе, если оно будетъ найдено. Если найдется нѣсколько различныхъ вставокъ, тѣмъ лучше: критика опѣнитъ ихъ“, стр. 121.

²⁾ Стр. 139 — 142, 147 — 148, 160. Ср. разборъ думы о Полтавской битвѣ стр. 153—154 („списокъ думы вообще дурень по разнымъ перестановкамъ ея частей съ мѣста на мѣсто“).

³⁾ Стр. 140—141, 160.

историческія пѣсни и народныя преданія о быломъ, извѣстны были въ тѣхъ или иныхъ версіяхъ, въ болѣе или менѣе сохранномъ видѣ,— но здѣсь въ книжечкѣ „Запорожской Старины“ впервые нашли они старательно подобранный циклъ этихъ историческихъ пѣсенъ и, казалось, словно впервые раскрылся предъ ними яркій просвѣтъ въ минувшую жизнь, словно впервые въ этомъ сборничкѣ раскрылась и своеобразная прелесть и научная цѣнность пѣсенъ и думъ, поодинокѣ встрѣчавшихся ранѣе наблюдателю народной жизни.

Какъ было указано выше, Костомаровъ, познакомившись съ Срезневскимъ, подпалъ двойному обаянію — какъ личности, такъ и его научной дѣятельности ¹⁾. Отмѣтимъ здѣсь, что пріязнь эта не уцѣлѣла на долго: вернувшись изъ заграничной командировки и перейдя къ славистикѣ, Срезневскій не обращался болѣе къ своимъ прежнимъ интересамъ въ области украинской народной поэзіи и исторіи украинской, а затѣмъ занялъ и другое отношеніе вообще къ украинскому движенію и украинству. Кромѣ этой перемѣны во взглядахъ и воззрѣніяхъ, явилось и другое обстоятельство уже вполне научнаго характера: глубже всматриваясь въ минувшее, критичнѣе относясь къ своимъ прежнимъ источникамъ, Костомаровъ усомнился въ подлинности и достовѣрности изданныхъ Срезневскимъ думъ и пѣсенъ историческихъ; позднѣйшіе отзывы Костомарова о „Запорожской Старинѣ“ очень рѣзки, словно Костомаровымъ все еще владѣло жгучее чувство досады за свою прежнюю довѣрчивость къ этому интересному и оригинальному изданію.

III.

Литературные опыты.

Въ одномъ мѣстѣ своей автобіографіи Костомаровъ вспоминаетъ о пробѣ писать на русскомъ языкѣ идиллическія стихотворенія гекза-

¹⁾ Къ приведенному выше отзыву Костомарова о Срезневскомъ воть еще сходный: „тѣсное знакомство съ И. И. Срезневскимъ дѣйствовало на него, въ то время, благотѣльно въ томъ смыслѣ, что побуждало его къ изученію малороссійской народности нераздѣльно съ изученіемъ народностей и исторіи другихъ славянскихъ народовъ и предохраняло его любовь къ этнографіи отъ узкой исключительности, въ которую онъ легко могъ впасть, по своему увлекающемуся характеру“. Автобіографическая записка 1860 г., напечатанная въ „Русскомъ Художественномъ Листкѣ“ 1860 г. и переизданная отсюда въ Русской Старинѣ 1891 г., № 2 (записка писана въ третьемъ лицѣ).

метромъ ¹⁾. Отъ этихъ попытокъ не сохранилось никакихъ реальныхъ слѣдовъ и, какъ писатель, Костомаровъ со своими драматическими сценами „Сава Чалый“, сборниками стихотвореній „Украинскіи баллады“ и „Вѣтка“ и трагедіей „Переяславська ніч“—является писателемъ украинскимъ. Не разъ отмѣчаетъ Костомаровъ свое недостаточное вначалѣ знаніе украинскаго литературнаго языка ²⁾ и, можетъ быть, поэтому друзья отнеслись скептически къ его плану писать по украински: однако, постепенно Костомаровъ полнѣе овладѣвалъ литературнымъ украинскимъ языкомъ, и сомнѣнія кружка должны были разсѣяться, Костомаровъ сталъ какъ бы признаннымъ поэтомъ кружка ³⁾.

Была попытка связать Костомарова или, точнѣе сказать, его первые стихотворные опыты на украинскомъ языкѣ съ опредѣленнымъ вліяніемъ отдѣльной личности. Называли Гулака-Артемовскаго: помимо литературнаго, такъ сказать, вліянія популярныхъ стихотвореній Гулака-Артемовскаго, было — дескать — еще и непосредственное воздѣйствіе, вѣдь юноша Костомаровъ жилъ на квартирѣ Гулака Артемовскаго ⁴⁾. Едва-ли это такъ: если говорить о вліяніи на юношу Костомарова литературныхъ произведеній на украинскомъ языкѣ, то нѣтъ основанія выдѣлять специально стихотворенія Гулака-Артемовскаго, какъ рѣшающій стимулъ. Если же говорить о непосредственныхъ личныхъ вліяніяхъ, то сомнительно, чтобы во времена студенчества Костомарова профессоръ Гулакъ-Артемовскій сталъ вліять на юношу въ смыслѣ перехода къ украинскому языку. Легче приписать такое вліяніе знакомству съ писателемъ Квиткою-Основьяненко: Костомаровъ отводитъ этому писателю много мѣста въ своемъ критическомъ обзорѣ украинской литературы, придавая особенное значеніе

¹⁾ Автобіографія (Лит. Насл.) 22.

²⁾ Автобіографія (Р. Мысль) 203. Автобіографія (Лит. Насл.) стр. 29. 31; отголосокъ этого признанія у В. В. Григорьева, Императорскій С.-Петербургскій Университетъ... стр. 225.

³⁾ Объ отношеніи кружка къ первымъ опытамъ Костомарова Автобіографія (Р. Мысль) стр. 204. Автобіографія (Лит. Насл.) 31, 37; интересно упоминаніе о Метлинскомъ—стр. 31 („былъ въ числѣ противниковъ моихъ идей о малорусскомъ писательствѣ“): не звучитъ ли здѣсь отголосокъ сомнѣній Метлинскаго на счетъ достаточности знаній украинскаго языка у Костомарова? сфр. письмо Костомарова Срезневскому — въ статьѣ Вс. Срезневскаго, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1898. I, стр. 16 (о Метлинскомъ—закенкуе).

⁴⁾ Отголосокъ такого взгляда, напримѣръ, въ некрологѣ Костомарова *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1885. V, 34.

общему направленію его литературной дѣятельности: вмѣстѣ съ тѣмъ съ большою симпатіею вспоминаетъ Костомаровъ о Квиткѣ въ своихъ воспоминаніяхъ ¹⁾. Это позволяетъ думать, что дѣйствительно между ними были дружескія отношенія, и эти дружескія отношенія упрочили и укрѣпили въ душѣ Костомарова сознательно вдумчивое отношеніе къ литературѣ на родномъ языкѣ: этого не могли сдѣлать великорусскіе друзья Костомарова, напримѣръ, Срезневскій, повліявшій на этнографическія склонности юноши: при всей внимательности къ украинской литературѣ, при всемъ признаніи ея правъ Срезневскій все-таки былъ теоретикъ въ этомъ вопросѣ, такъ какъ самъ не писалъ по украински.

Литературное наслѣдіе харьковскихъ лѣтъ Костомарова заключается въ двухъ пьесахъ, двухъ сборникахъ стихотвореній и въ отдѣльных стихотвореніяхъ, изданныхъ позднѣе этихъ сборниковъ. Есть упоминанія кромѣ того о другихъ произведеніяхъ, не увидавшихъ своевременно свѣта и потомъ затерявшихся. Начнемъ пока со стихотвореній. За харьковское время Костомаровъ издалъ ихъ всего 58 ²⁾. Съ яснымъ автобіографическимъ оттѣнкомъ стихотвореній очень немного: одно изъ нихъ указано было выше—это стихотвореніе, написанное на память Срезневскому при его отъѣздѣ въ путешествіе по славянскимъ землямъ. Отличается оно простотою и сердечностью; здѣсь нѣтъ ни намека про цѣли путешествія или его высокія задачи, что такъ рельефно выразилъ при томъ же случаѣ В. В. Пассекъ: поэтическое выраженіе „счастливой дороги“ и въ концѣ въ простой формѣ заявленіе сердечной пріязни, для которой всегда будетъ дорога память объ уѣхавшемъ другѣ. По удачному сочетанію сердечности

¹⁾ О Квиткѣ — Автобіографія (Лит. Насл.) 37 — 38. Въ статьѣ Костомарова „Обзоръ сочиненій, писанныхъ на малороссійскомъ языкѣ“ стр. 167—179, ср. въ статьѣ Срезневскаго „Памяти Квитки“, переизданной въ журн. „Русская Старина“ 1893. VIII стр. 389, и въ письмѣ Срезневскаго Костомарову 1878 г. *ibid.*, стр. 390—391. А. А. Корсунъ въ своихъ воспоминаніяхъ припоминаетъ, что это онъ познакомилъ Костомарова съ Квиткою, Русскій Архивъ 1890. X. 210.

²⁾ Въ книгѣ „Збірникъ творівъ Іереміи Галки“ (стр. 114+85+30+127) Одесса 1875 г. переизданы двѣ драматическія пьесы, стихотворенія изъ сборника „Вѣтка“ и отдѣльно изданныя стихотворенія (изъ Литературн. прибавл. къ Русскому Инвалиду, сборниковъ „Сніпъ“—Корсуна и „Молодикъ“—Бецкого); стихотворенія „Українські баллади“ сюда не вошли; переизданы стихотворенія близко къ начальной формѣ, но съ измѣненіемъ орфографіи:—въ первоначальной формѣ были *о, ъ, й, ы* замѣненны послѣ *і* да *и*. Въ настоящей статьѣ соблюдено въ приведенныхъ отрывкахъ правописаніе оригинала.

чувства съ простотою формы—это одно изъ лучшихъ стихотвореній Костомарова.

Къ опредѣленному моменту біографіи примыкають также и стихотворенія на крымскія темы. Навѣяны онѣ впечатлѣніями поѣздки въ Крымъ. Ханскій дворецъ въ Бахчисараѣ и поэтический образъ Маріи Потоцкой навѣяли стихотвореніе, озаглавленное по имени героини этой трогательной легенды. Воспоминанія былого могущества хановъ развѣялись и стерлись, и только ярка память объ этой тоскующей плѣнницѣ Маріи. Идеалистъ-поэтъ даже готовъ видѣть въ этомъ символъ непроходящаго значенія всего возвышеннаго и чистаго.

Усе славне свитовее
Розлетиться й пропаде,
Тількй чистее, святее
Позостанеться на вікъ.
Плугъ могилы порівняе,
Черви камінь пройдять;
Що записано на небі—
Не зотреться на землі!

Иначе отразились керченскія впечатлѣнія и воспоминанія объ историческихъ судьбахъ этого края. Въ стихотвореніи „Пантикапея“ личныя впечатлѣнія отъ брѣнності земного величія и равнодушія живыхъ къ памяти давно угасшихъ поколѣній, сливаясь съ античными представленіями о покоѣ мертвыхъ, намѣтили тоскливый образъ тѣни давно умершаго царя, мирно покоившагося цѣлые вѣка въ своей гробницѣ, пока люди не разрыли этой могилы и не нарушили тѣмъ вѣчнаго сна мертвыхъ. И теперь несчастная тѣнь, покинувъ свою разграбленную могилу, не имѣетъ покоя и блуждастъ, какъ непогребенный мертвецъ. Эту тѣнь видитъ странникъ, посѣтившій разрытыя могилы: поборовши невольный страхъ, странникъ начинаетъ спрашивать тѣнь, и та рассказываетъ о своей ужасной участи, жалуясь вмѣстѣ съ тѣмъ на людскую назойливость и безсердечіе: для тѣни нарушить покой мертвыхъ—страшный грѣхъ:

Вішній законъ чоловікові дає справедлива:
Вішній законъ занехавши, лихо зробивъ чоловік!
Горе тому, чьи кости зъ землі чоловікъ вибірає;
Гірше й тому, хто за золото мертвихъ покою збавля.

Рамка къ этому діалогу тѣни съ путешественникомъ—чуть намѣченная картина раззоренныхъ памятниковъ далекаго прошлаго.

Свѣтло гасне; галасъ пѣсень
На судахъ затихъ;
Мѣсяцъ блідый сумно плыве
По водахъ морскихъ.
Страннѣй въ городу выходитъ
По ноцѣ одинъ:
Мѣжъ могилами, понурый,
Въ полѣ ходитъ вѣтъ.
Порозореніи, розрытіи
Царскіи теремы;—
Тысячлѣтніи останки
Видѣ старовины!
Помѣжъ ними ѣ старѣйшій
Вышчій всѣхъ курганъ:
Его голову пробиту
Покрыва туманъ...

Еще короче заключительный аккордъ: нѣмая тишина мѣсячной ночи среди раззореннаго кладбища.

Переходя къ лирическимъ стихотвореніямъ, нужно замѣтить, что они большею частію не носятъ ясныхъ автобіографическихъ примѣтъ, и читатель не можетъ увѣренно рѣшить, навѣяны ли элегическія нотки, либо неясныя намеки о тоскѣ одиночества ¹⁾—личными впечатлѣніями автора, его пережитымъ и перечувствованнымъ, бывшее ли это или думы?

Стихотворенія на любовныя темы не выдѣлены въ отдѣльный законченный цикл; тѣмъ не менѣе, въ нихъ затронуты различныя стадіи развитія чувства, начиная съ неяснаго момента зарожденія первыхъ симпатій при случайной первой встрѣчѣ, съ не вполне еще сознаннымъ выдѣленіемъ одной, любимой, въ веселомъ кругу дѣвушекъ, собравшихся для пѣсень и игръ, — и кончая полнымъ разцвѣтомъ чувства, а затѣмъ и тяжелою разлукою съ ревнивымъ представленіемъ о другомъ. Что въ этой вереницѣ образовъ, начиная съ наброска „Веснянка“ и кончая стихотвореніемъ „Сонъ“, — что здѣсь автобіографическаго ²⁾? Замѣтимъ только, что въ этихъ красивыхъ, но спокойныхъ стихотвореніяхъ не слышится внутренней силы настроеній, что такъ часто для внимательнаго читателя является показателемъ непосредственности пережитыхъ впечатлѣній. Какъ и въ другихъ случаяхъ, автору лучше удается простая, непосредственная

¹⁾ Напр., стих. „Туга“, „Хмарка“.

²⁾ Сfr. Автобіографія (Русская Мысль) стр. 205—206.

передача настроеній и сценокъ, и попытка придать къ этому въ одномъ случаѣ еще и философскія размышленія о мистическомъ значеніи охватывающаго душу чувства любви, — попытка эта не вышла удачною: авторъ больше и не возвращался къ такимъ попыткамъ.

Всматриваясь внимательно въ образы любовныхъ стихотвореній, легко подмѣтить близкую связь этихъ образовъ съ представленіями и настроеніями народныхъ пѣсенъ. Если исключить нѣсколько стихотвореній, какъ „Сонъ“ или „Зобаченья“, — гдѣ моменты развитія чувствъ представлены въ общихъ чертахъ, внѣ ясной связи съ образами и представленіями народной поэзіи, — то въ остальныхъ, въ большинствѣ стихотвореній такая связь является замѣтною и легко уловимою. Въ стихотвореніи „Веснянка“ и само заглавіе указываетъ на связь съ народнымъ бытомъ, хотя здѣсь и нѣтъ близкаго переложенія мотивовъ этихъ пѣсенъ, приуроченныхъ къ опредѣленному времени года. Въ иномъ мѣстѣ авторъ немногими бѣглыми чертами намѣтилъ этотъ разцвѣтъ весенней природы вмѣстѣ съ весенними играми и забавами:

Упьять споришъ ставъ выгонъ укрывати;

Упьять дѣждались весняныхъ святокъ:

Упьять идутъ заквѣченъ дѣвчата

Гулятисъ въ хрепчина, вести танокъ.

Чаще всего въ стихотвореніяхъ на любовныя темы черты народного быта тѣсно переплетаются съ мотивами и образами народной любовной лирики. Жившіе въ Украинѣ знаютъ, конечно, какъ въ ясныя теплыя ночи, по окончаніи пѣсенъ и забавъ молодежи, влюбленный юноша прокрадывается къ знакомой хатѣ и вызываетъ любимую дѣвушку, чтобы хоть немного побыть съ нею наединѣ въ чуткой тишинѣ лѣтней ночи. Не разъ упоминается эта тема и въ стихотвореніяхъ Костомарова, при чемъ черты быта сливаются тѣсно съ мотивами народныхъ пѣсенъ, и обращеніе юноши къ сомнѣвающейся и колеблющейся дѣвушкѣ, его увѣренія по своимъ выраженіямъ и образамъ близки къ обычнымъ образамъ и выраженіямъ народной лирики ¹⁾.

¹⁾ Наряду съ отголосками народной лирики въ стихотвореніяхъ „Нѣчна розмова“, „Підмова“, „Улиця“, „Зобаченья“ — укажемъ еще на близкій мотивъ, — напр., и въ стих. „Поцѣлунокъ“: дѣвушка на приглашеніе милаго выйти къ нему отвѣчаетъ, что не выйдетъ —

нѣ лѣтнимъ тепломъ, нѣ сею весною,

Подобную близость къ образамъ и выраженіямъ народной лирики замѣчаемъ мы и въ другихъ стихотвореніяхъ Костомарова на темы о любви. Вотъ въ стихотвореніи „Посланецъ“ влюбленная дѣвушка тоскуетъ по миломъ, уѣхавшемъ на войну, и воронъ приноситъ ей грустную вѣсть о смерти. Вотъ въ стихотвореніи „Стежки“ тоска покинутого юноши и образъ измѣнившей дѣвушки сливаются для него съ представленіемъ о двухъ стежкахъ—

пѣдъ вербами стежка, пѣдъ яворомъ друга:

одна пошла въ поле, а друга до дуга...

По першой стежцѣ ходитъ моя мила:

ходитъ до другого, мене обманила!

По другой стежцѣ ходитъ моя мила:

ходитъ та до мене, мене полюбила!

Та щобъ мѣжъ вербами слѣду не zostалося,

щобъ мое серденько тяжко не врывалося!

Та щобъ пѣдъ яворомъ були ступы знати,

щобъ було чимъ сердце свое розважати!

Близость автора къ народной жизни, вліяніе на него образовъ народнаго творчества сказалося и въ другихъ случаяхъ, помимо только что указанныхъ чертъ народнаго быта или выраженій, напоминающихъ обиходъ народной лирики. У Костомарова есть нѣсколько стихотвореній на тему о народныхъ фантастическихъ представленіяхъ и суевѣріяхъ. Народное суевѣрное представленіе, связанное съ мимолетнымъ явленіемъ падающей звѣзды, легло въ основу стихотворенія „Зѣрочка“; суевѣріе на счетъ любовнаго колдовства передано въ стихотвореніи „Черный котъ“; боязливое представленіе о вспыхивающей въ Пасхальную ночь надъ землею таинственной свѣчкѣ, дало тему стихотворенію „Великоднія нѣчь“; неясный страхъ передъ шведскою могилою въ Полтавѣ далъ содержаніе стихотворенія „Полтавська могила“. Подобнымъ же образомъ основаны на суевѣрныхъ и легендарныхъ народныхъ представленіяхъ стихотвореніе „Баба Гребетничка“ (разсказъ дѣда про колдунью и переполохъ дѣтей ночью подъ свѣ-

а выйдеть къ нему—

пѣвношню само добою

въ осеннюю холодную ночь; такъ и сталося—

холодная нѣчка, морозъ налягае,

а вѣтеръ осѣнный ажъ кости проймае.

Коли бъ вѣнь не дувъ, та негода утихла,

бо вже моя мила холодна, якъ крига.

жимъ впечатлѣніемъ страшныхъ представленій), „Мѣсяць“ (легендарное представленіе о Каинѣ и Авелѣ на лунѣ), „Мана“ (чудный пейзажъ надъ заколдованнымъ озеромъ) ¹⁾.

Къ этимъ же образамъ народныхъ суевѣрій и легендъ нужно прибавить и представленія изъ области растительной символики. Вполнѣ развитъ этотъ мотивъ о превращеніи дѣвушки въ растеніе—въ стихотвореніи „Рожа“, въ другихъ случаяхъ та же тема лишь намѣчена ²⁾. Интересно пантеистическое расширеніе начальной темы въ стихотвореніи „Дѣвчина“—въ представленіи о душѣ умершей дѣвушки, какъ бы незримо присутствующей при веселыхъ забавахъ и играхъ своихъ подругъ.

Переходя къ историческимъ образамъ и воспоминаніямъ въ стихотвореніяхъ Костомарова, нужно отмѣтить случаи совпаденія во взглядахъ и темахъ у Костомарова въ его стихотвореніяхъ съ стихотвореніями Метлинскаго. Проще всего было бы здѣсь признать фактъ заимствованія сообразно съ разницею во времени у обоихъ писателей. Но вдумываясь въ эти совпаденія и сопоставляя взгляды и воззрѣнія этихъ писателей съ мыслями и представленіями въ другихъ изданіяхъ этихъ авторовъ и ихъ друзей, — легко прійти къ выводу, что здѣсь мы имѣемъ дѣло со взглядами и воззрѣніями на минувшія судьбы Украины—не отдѣльныхъ личностей, а цѣлаго кружка, и эти взгляды на минувшее, на основныя его черты, на взаимоотношеніе минувшаго и настоящаго—высказывались и другими членами харьковскаго кружка и въ научной и въ литературной формѣ.

Въ одномъ стихотвореніи Костомаровъ представилъ, на основаніи народныхъ воззрѣній, таинственную связь умершихъ съ нашимъ живымъ міромъ, но это связь болѣе близкихъ поколѣній, а историческое прошлое нераздѣльною пропастью раздѣлено отъ настоящаго. Минувшее безвозвратно, его не вернуть, да и сама память о немъ забывается, стирается, какъ ветшаютъ памятники этого минувшаго — могилы да курганы.

Що жъ то за могила?
Вѣтеръ снѣгъ розмита;
Скрійз снѣгъ почорнѣла
Трава вигляда!

¹⁾ Причислить сюда нужно и основанное на народныхъ преданіяхъ стих. „Дитинка“ (изъ народнаго преданія) 1841 г. (Литературное наслѣдіе, стр. 221—222).

²⁾ Сюда, кажется, нужно отнести и представленіе о вырастающихъ на могилахъ растеніяхъ—стих. „Дѣдівщина“.

Далекіи роки далеко заплыли;
А люду погибшого слава колишня
У пам'яті тмиться, як трава торішня,
Що в'єтеръ зъ підъ сн'ігу розкрывъ на могил'!

И это не только одинокая могила, — ц'їлий край можетъ казаться пустынею по сравненію съ славнымъ, полнымъ жизни и одушевленія невозвратнымъ минувшимъ—

де Задн'іпровье, край опуст'їлий,
де нема хать, — бован'їють могилы;
де нема гласу, — выють вовки,
де була С'їча, — жили козаки, —
ходивъ я н'їчью...

Р'їзкій контрастъ между славнымъ прошлымъ и скучнымъ, безп'їв'їтнимъ настоящимъ, а съ другой стороны тяжелое сознаніе о небрежности, невниманіи живыхъ къ этому прошлому, объ его постепенномъ забываніи,—все это не можетъ не придать меланхолическаго грустнаго отт'їнка воспоминаніямъ о минувшемъ. И на воспоминаніяхъ отд'їльных лицъ и на воспоминаніяхъ п'ївца—этого спеціального хранителя преданій о минувшемъ—лежить одинаково этотъ отсв'їтъ грусти. Правда, въ начальномъ стихотвореніи своего сборника Костомаровъ говорить о п'їсн'ї—

Одъ Сосны до Сана вона простягнулася;
До хмари Карпатської вона доторенулася;
Чорноморською водою вмивається,
Лугами, якъ квітками, квічається;
Дн'їпромъ стародавнимъ підперезана;
Р'їчками, якъ стрічками, поубирана;
Городами — намистами пообв'їшана...

дал'їе обращается поэтъ къ п'їсн'ї—

Лебедемъ б'їлимъ плыви по р'їкахъ;
Чайкою, п'їсне, лигичь по лукахъ;
Припетнемъ въ луз'ї заворкочи;
Дрїбною пташкою защебечи;
Покотилолемъ въ степу прокотися;
По небу громомъ святымъ пронесися...

Но это — отголосокъ бодрого, ув'їреннаго міросозерцанія; чаще на представленіяхъ о п'їсни и п'ївц'ї лежатъ отт'їнки грусти и умиранія. Вотъ тоска п'ївца—въ стихотвореніи „Сп'ївецъ“ (посвящено Амвросію Могил'ї) —

Ой, чого молодий співець зажурився,
Головою жалко на гусли схилюся!
Ой, чого молодий співець не співає,
А чи гласу більше до півсень не має?

причина тоски—не въ личныхъ мотивахъ, она глубже—боязнь за на-
родность, за родной языкъ—

Охъ, тимъ молодий співець не співає,
Що рідная мова, якъ свѣчка, сконає!
Охъ, тимъ той співець та у гусли не бє,
Що єго слухати никто не иде!

Таково горе півца—

„Охъ, пиду до Днѣпра, на гору високу
пиду подивлюся на степъ широкій:
у старому Днѣпровѣ вода мелѣ,
а по стѣну долини ковыла сивѣ,
а скрѣзь по ковылѣ свистуць-вѣтеръ вѣе!
Та припавъ співець до землі головою;
покотились слѣзки изъ очей рѣкою!
„Охъ, нене моя, ты рідная мати,
чи намъ, тебе, рідна, уже не видати!
Уставай изъ землі дѣтки прилядѣти!“...

Такимъ же отблескомъ угасанія подернуть и образъ другого хра-
нителя народныхъ преданій и историческихъ воспоминаній—дѣда-па-
сѣчника—

співає дѣдусь и внуку и сыну,
співає дѣдусь про стару годину!

Онъ передаетъ въ своемъ разсказѣ въ сжатыхъ строчкахъ и
яркихъ образахъ всю исторію Украины, начиная съ эпохи славы и мо-
гущества и кончая временемъ паденія Гетьманщины при Петрѣ I: чѣмъ
ближе къ настоящему, тѣмъ тусклѣе тонѣ и въ концѣ—

блѣднѣе нашъ дѣдусенько: голосъ измѣнився:
якъ липонька підцювана на бокъ похилився;
и кобзонька до долоньку зъ брязгомъ покотилася
и півсенька не спітая у вѣтрѣ розлетѣлася¹⁾.

Но и помимо контраста между былымъ и настоящимъ въ этомъ

¹⁾ Эти черты напоминаютъ обрисовку фигуры бандуриста—у Метлинскаго въ его
стихотвореніяхъ.

быломъ много тяжелыхъ чертъ, заставляющихъ при воспоминаніяхъ сердце сжиматься отъ боли—

багацько ище тутъ про щось вѣнъ згадавъ:
якъ вѣсько голинне старшій изыывавъ;
згадавъ и про те, про що згадувать тошно,
про вѣнцо здыхати ѣ не треба ѣ не можно...

Вереница образовъ изъ украинской исторіи въ одномъ изъ стихотвореній Костомарова („Дѣдъ-Пасишникъ“) начинается съ былого величія Кіева.

Було колись—межъ всѣма городами
старый нашъ городъ Кіевъ ченурился ¹⁾,
изъ банями, изъ ясными хрестами
у славному Днѣпрѣ-рѣцѣ лиснѣвся;
тамъ въ теремахъ Князй бенкетовали,
а пѣсняри про ихъ дѣла спѣвали.
Було колись: вкраинську яснѣ долю
розшарпали недобрѣи браты;
Було колись: недолю и неволю
къ намъ принесли татарскѣи орды;
изъ Кіева зробили пепелище,
и запустѣвъ нашъ край, якъ гробовище.
Було колись: завзятый гайдамака ²⁾
въ степахъ широкихъ вѣтры впережавъ;
безъ ласки вѣнъ, обшарпанный бурлака,
до смерти все сусѣдне забивавъ.
Але не довго парубки тулялись:
Господь помѣгъ,—вони угамовались.
Було колись: Латинщина—панѣвна
вѣшла до насъ: прѣйшлося всѣмъ хворать!
Насъ налыгала Польща супротивна
и стыдко-брыдко роки тѣ згадать:
святѣ церкви усѣ були замѣнуты
и бѣднѣи люде мерли безъ погугы.
Було колись: Хмельницкій зъ козаками
бездольную Вкраину вызволявъ;
и усѣвавъ свои степы костями
и самѣи Польщѣ тусана дававъ:

¹⁾ У Метлинскаго о Кіевѣ въ стих. „Підземна церква“—

у Кіевѣ всѣму, всѣму зачало:

та ѣ старый, старый же вѣнъ казакъ...

²⁾ Въ Харьковскомъ кружкѣ тогда слово гайдамаки употреблялось въ болѣе широкомъ примѣненіи.

Король, паны Потоцькій, Вишневецькій,
затуркани, скакали по-нѣмецки¹⁾.

Слѣдующія строфы посвящены бѣдствіямъ Украины во время Руины (извѣстное сравненіе Украины съ чайкою высидѣвшею дѣтей-птенцовъ около дороги), упоминаніямъ о попыткѣ Мазепы („лукавый нашъ Мазепа“) и о героической рѣшимости Полуботка („вѣнъ бувъ Украинецъ останній“). Здѣсь грустные образы смѣняются со свѣтлыми, и чтобы выяснить, на какихъ моментахъ сосредоточенъ интересъ автора, нужно обратиться и къ другимъ историческимъ стихотвореніямъ Костомарова. Изъ такого сопоставленія легко замѣтить, что интересъ автора сосредоточенъ на эпохѣ подъема народныхъ силъ въ борьбѣ за свою свободу, когда—

слушна война запалала тодѣ на Вкраинѣ; Хмельницькій зъ Потоцкимъ,
воля зъ налыгою крѣпко счепилась, и тамъ подъ Корсунемъ
ляхи разбиты втѣкали²⁾,

и это было временемъ отмщенія и воздаянія, какъ отдѣльнымъ личностямъ, такъ и цѣлой общественной группѣ,—за негуманное и близорукое отношеніе къ народной массѣ и народности—

такѣвська була имъ заплата
за те що шкуры лупили зъ людей,

или какъ въ другомъ стихотвореніи,

„от-се тобѣ, вражий сыну, одъ насъ дякованья,
що терпѣли мы одъ тебе всякій глузованья!“³⁾.

Здѣсь дѣятелемъ — безличнымъ народъ, въ другихъ случаяхъ эту роль защитниковъ и мстителей брало на себя казачество, и эти-то романически-обрисованные, неустрашимо-храбрые, но жестокіе „гайдамаки“ (по нѣсколько спутанной тогдашей терминологіи харьковского кружка)—привлекаютъ вниманіе будущаго историка казачества. Таковъ, напримѣръ, Максимъ Перебийнось—

¹⁾ Намекъ украинской народной пѣсни.

²⁾ Стих. „Щира правда“ (два друга, одинаково служившіе польской коронѣ, въ минуту народнаго возстанія оказываются во враждебныхъ лагеряхъ—польскомъ и казацкомъ и, какъ враги, во главѣ двухъ враждебныхъ отрядовъ на полѣ сраженія).

³⁾ Стих. „Панъ Шульпика“ (съ отмѣткою, что стих. это написано на основаніи народнаго преданія), подобнымъ же образомъ проведено народное воззрѣніе и въ другомъ мѣстѣ—

Господь ляхѣвъ за вчинки покаравъ
и уручивъ страшный свой мечъ Максиму.

завзятѣйшій Вкраинскій гайдамака,
зъ нимъ тысяча гайдамаковъ летить:
заблискали ихъ гостріи шаблюки,
теленка поле, меркне Божій свѣтъ.

Такъ, заключаетъ авторъ,

— Максимъ зъ ватагою своей
вкраинську недолю вѣдомцае!¹⁾

Съ этимъ чуть намѣченнымъ рисункомъ неудержимо несущейся
рѣшительной и жестокой ватаги можно сопоставить и другія сходныя
указанія—

незлічена стая неслась вояківъ;
якъ макъ при дорозі шапки ихъ бѣлѣли,
списы грѣмотѣли, шаблѣй брязкотѣли²⁾,
неслися вони супротивъ ворогѣвъ.
Недоля и помста бѣгли за ими;
якъ ключѣя сухее палали краинны.

Дивитися—лицарь вставъ,
сѣвъ на коня та й засвиставъ,—
и вѣсько въ слѣдъ. За имъ
огонь, и дождь, и дымъ!³⁾

или вотъ еще: воспоминаетъ казакъ —

згадавъ вінъ про вѣсько, про валку й пожаръ;
якъ споривъ въ харцизствѣ зъ буйными вѣтрами,
на взаводы бѣгавъ зъ швидкими орлами.

Въ этихъ чертахъ слышится отзвукъ романтическихъ представленій о
казакахъ, ихъ геройской мощи и неустрашимой удали.

Изъ другихъ деталей обрисовки былого казачества укажемъ здѣсь
еще черту внутренней организаціи казачьихъ ватагъ — ихъ равен-
ство во всемъ между собою:

¹⁾ Стих. о Максимѣ Перебійнось кончается романически-грустнымъ эпилогомъ:
полька причаровала суроваго гайдамаку, и онъ забылъ про свой долгъ — мститъ
Польшѣ за Украину —

— плаче Украина:

не мае Максима, не мае Максима;

такъ заканчивается стихотвореніе.

²⁾ Сравнить сходныя выраженія у Метлинскаго.

³⁾ Подобная же деталь и у Метлинскаго—

за нимъ, пѣдъ нимъ, надъ нимъ
огонь и кровь и дымъ!

якъ съ лѣсомъ гора, вони всѣ за одно;
никого старшого у нихъ не було,

и наконецъ жанровую сценку возвращенія съ набѣга —

якъ въ полѣ стѣну срібну чарку зпивавъ¹⁾,
въ кружку, на прощаннѣ зъ своими братами
й веселый до дому коня повертавъ.

Обращаясь въ заключеніе къ общей характеристикѣ стихотвореній Костомарова, мы видимъ, что въ сущности онъ не вышелъ изъ круга образовъ тогдашней романтической школы украинской литературы. Углубленіе интереса къ народу, къ его жизни и бытовымъ особенностямъ привело и въ литературѣ къ обрисовкѣ темъ изъ народной обыденщины, прикрашенной романтическимъ пониманіемъ: такъ появились описанія въ стихотвореніяхъ народныхъ праздниковъ и забавъ, хороводовъ и игръ. Сюда же примыкаютъ, составляя, однако, самостоятельную группу, и воспроизведенія въ стихотвореніяхъ народныхъ вѣрованій и суевѣрій, о колдовствѣ и чарахъ, о предчувствіяхъ и предзнаменованіяхъ. Подобное же проявленіе колдовства—превращеніе въ растение или дерево—можетъ, однако, входить и въ кругъ любовныхъ сюжетовъ, поскольку такое превращеніе является эпилогомъ несчастной любви.

Многое изъ этого нашли мы и у Костомарова: описанія весеннихъ игръ молодежи, далѣе передача народныхъ вѣрованій и суевѣрій, а въ стихотвореніяхъ на любовныя темы наряду съ намѣченными чертами народнаго быта слышатся отголоски народной лирики и въ образахъ и въ выраженіяхъ.

Подобнымъ же образомъ можно подвести итогъ и историческимъ стихотвореніямъ: романтически подчеркнутый контрастъ между былымъ и настоящимъ, яркія краски въ обрисовкѣ этого былого, спеціальныя черты гиперболизма въ характеристикѣ могучей удали и несокрушимой беззавѣтной храбрости казаковъ защитниковъ и мстителей,—все это признаки и черты, общія цѣлому ряду произведеній и писателей, и сходство будетъ идти даже до отдѣльныхъ чертъ въ обрисовкѣ

¹⁾ Эта срібна чарка—нѣмая память минувшихъ временъ—упоминается и у Метлинскаго въ стих. „Чарка“:

Е въ насъ, братця, чарка на полицѣ;
та вона, та чарка, срібна—старосвѣтська...
вже зъ якого часу нема того війська
позосталась тільки чарка старосвѣтська.

образовъ, напимѣрь, въ силуэтѣ тоскующаго пѣвца или бандуриста. Эти черты романтико-историческаго міросозерцанія роднятъ Костомарова съ его ближайшими друзьями, — харьковскимъ кружкомъ, а за тѣмъ и вообще съ представителями романтическаго пониманія минувшаго, — учеными, какъ Бодянский, — въ его раннихъ работахъ, — писателями, какъ Н. Маркевичъ и другіе.

Эти общія замѣчанія объ основныхъ мотивахъ стихотвореній Костомарова вполне примѣнимы и къ его драматическимъ произведеніямъ. Ихъ двѣ, этихъ пьесъ, — „Сава Чалый“ ¹⁾ и „Переяславська Ніч“, и обѣ онѣ историческаго содержанія и сходныхъ даже сюжетовъ: тамъ и здѣсь конфликтъ на почвѣ русско-польскихъ отношеній и трагическая развязка; въ первой — для отдѣльной личности — Саввы Чалаго, а во второй — частномъ эпизодѣ Хмельничины — для всего польскаго населенія Украины. Дѣйствіе пьесы „Савва Чалый“ основано на разсказѣ народной пѣсни, но въ интересахъ большей полноты драматической темы авторъ ввелъ нѣкоторыя новыя детали сравнительно съ народною пѣснею, а, самое главное, перенесъ дѣйствіе въ болѣе раннюю эпоху, столѣтіемъ раньше и измѣнилъ основныя условія совершающагося событія: осталась тема пѣсни — мѣсть измѣннику, передавшемуся на вражескую сторону, но личность и мотивы этой измѣны авторомъ измѣнены по своему. „Взявши содержаніе изъ извѣстной народной пѣсни — воспоминаетъ Костомаровъ въ своей автобіографіи о первомъ своемъ драматическомъ опытѣ — сдѣлалъ большую историческую ошибку, произвольно отнесши событіе, воспѣваемое въ этой пѣснѣ, къ первой половинѣ XVII в., тогда какъ оно относилось къ первой половинѣ XVIII в.“ ²⁾.

¹⁾ Такъ пишется это заглавіе въ изданіи 1838 г. Пьесѣ предпослано замѣчаніе автора: „содержаніе взято изъ народной южно-русской пѣсни. Смотри въ изданіи Украинскихъ пѣсней Максимовича, въ Запорожской старинѣ Срезневскаго и въ собраніи Галицкихъ пѣсней Вацлава зъ Олеска“.

²⁾ Автобіографія (Лит. Насл.) стр. 31. Подобный же отзывъ и о другой пьесѣ — „Переяславська Ніч“: „сюжетъ трагедіи взятъ изъ эпохи Хмельницкаго при самомъ началѣ его возстанія, но мнѣ значительно повредило довѣріе, оказанное такимъ мутнымъ источникамъ, какъ „Исторія Руссовъ“ Конисскаго и „Запорожская старина“ Срезневскаго; кромѣ того я уклонился отъ строгой сообразности съ условіями вѣка, который взялся изображать, и впалъ въ напыщенность и идеальность, развивши въ себѣ послѣднюю подъ вліяніемъ Шиллера“ *ibid.*, стр. 37. Снова пришлось Костомарову вспомнить о своихъ пробахъ вотъ по слѣдующему поводу: старый харьковскій другъ давнихъ лѣтъ А. А. Корсунъ напомнилъ ему о нихъ, и, отговаривая Корсуна отъ мысли издать переводъ пьесы „Переяславська Ніч“, Костомаровъ писалъ 10/II 1880:

Трагическая развязка „Саввы Чалаго“ — смерть „героя“ этой пьесы и его жены под ударами товарищей, мстящих за измену. Трагизм еще болѣе усиливается въ виду ошибки, лежащей въ основѣ этой катастрофы: Савва не былъ такимъ измѣнникомъ, какъ его представляли себѣ казаки подъ вліяніемъ рѣчей товарища Гната Чолаго. Нужно впрочемъ сознаться, что въ обрисовкѣ характера Чалаго и въ мотивировкѣ его дѣяній есть достаточно неясностей и пробѣловъ. Чалый это — молодой и храбрый казакъ; ему нѣтъ еще тридцати лѣтъ, а онъ уже въ двухъ сраженіяхъ съ поляками отличился своею храбростію и оказалъ громадныя услуги казачьему войску. Имя его стало извѣстно повсюду, про него сложили уже двѣ народные пѣсни, его прочтѣть на будущее гетманомъ, но пока Чалый не смотря на свою популярность остается вѣрнымъ и преданнымъ помощникомъ, искренне любимого имъ, гетмана Остряницы. Но вотъ Остряница погибъ, казаки задумываютъ избрать новаго гетмана и противъ ожиданія Саввы избираютъ гетманомъ его отца — Петра Чалаго, да еще и самъ отецъ отговариваетъ выбирать сына въ виду его характера. Разныя чувства просыпаются въ душѣ Саввы Чалаго: чувство несправедливой обиды со стороны людей, изъявлявшихъ ему преданность свою и свои симпатіи, гнететъ и давитъ его, а съ другой стороны онъ гордъ и самолюбивъ и, чувствуя въ себѣ самомъ достаточно силу, чтобы повелѣвать и господствовать, не можетъ примириться съ ролью подчиненнаго, хотя бы и отцу — гетману. Судя по одному мѣсту въ воспоминаніяхъ Саввы Чалаго, это не только властное сознаніе своей силы, своихъ заслугъ, но и вообще неспокойный, самостоятельный характеръ, уже съ малолѣтства не признававшій надъ собою чужой воли, чужого господства. Теперь, когда надежды на гетманство рушились, когда вѣрные, казалось, друзья не поддерживали его, — Савва чувствуетъ, что ему тяжело будетъ подчиняться отцу, тяжело и унижительно оставаться въ прежнемъ подчиненномъ

„моя Переяславская ночь по истинѣ произведеніе до крайности слабое во всѣхъ отношеніяхъ и при томъ фальшивое до глубины своего существа: фальшивость эта произошла оттого, что я тогда находился подъ зловреднымъ (въ научномъ отношеніи) вліяніемъ такихъ псевдоисторій, какъ „Исторія Руссовъ“, приписываемая некогда не сочинявшему ее Конисскому, и такихъ сборниковъ псевдонародныхъ произведеній, какъ „Запорожская старина“ Срезневскаго. Много вреда надѣлалъ Малорусской исторіи и этнографіи этотъ человекъ, прости ему Боже.... Не удивительно, что и я руководствовался лѣтописями, которыя получалъ отъ Срезневскаго, долго не сознавая ихъ фальшивости...“. Русскій Архивъ, 1890, X.

и незамѣтномъ положеніи. И вотъ предъ Саввой является новая, неожиданная комбинація: поступить на службу польскому правительству, получить отъ него званіе гетмана и со своими казаками служить въ общихъ польско-украинскихъ интересахъ. Идеаль Саввы—времена короля Стефана Баторія: судя по рассказамъ старыхъ людей, тогда еще не было гибельныхъ споровъ объ уніи, не было взаимной вражды и казачество рыцарски боролось противъ общихъ враговъ Польши и Украины. И теперь принимая предложеніе поступить на службу польскому правительству, Савва ни на минуту не усомнился въ настоящемъ своемъ положеніи: онъ вовсе не измѣнитъ своимъ, перейдя на службу коронѣ, онъ останется вѣрнымъ своей народности, своей вѣрѣ, и первый же намекъ Конецпольскаго объ ожидаемыхъ отъ Саввы услугахъ на пользу уніи, первый же намекъ заставляетъ Савву безбоязненно высказать свои глубокія симпатіи и твердыя убѣжденія, а затѣмъ и отказаться отъ гетманства и службы,—вѣдь отъ Саввы ожидаютъ существенныхъ услугъ, а не идилліи во вкусѣ давней дружбы польско-украинской.

Сходная же обрисовка характера—это Марина, сестра Лысенка, одного изъ дѣятелей Хмельничины („Переяславська Ніч“): она, Марина, полюбила поляка, переяславскаго старосту, и ушла къ нему, но, полюбивши поляка, Марина не измѣнила своей національности и попрежнему сознаетъ себя украинкою: когда при появленіи Лысенка вспыхиваетъ возстаніе населенія противъ поляковъ, Марина не считаетъ возможнымъ стать на пути этому народному движенію, выдать своихъ польскимъ властямъ или спасти своего милого—поляка; она предаетъ милого возставшимъ, желая лишь погибнуть съ нимъ вмѣстѣ отъ руки своихъ же. Какъ Савва, раскрывая передъ Конецпольскимъ свою душу, рассказываетъ ему про угнетеніе украинскаго населенія поляками, такъ и Марина въ сходныхъ же образахъ говоритъ своему милому—поляку про глубокую вражду обоихъ братскихъ народовъ, вражду, порожденную безчеловѣчнымъ и жестокимъ поведеніемъ поляковъ. У Марины даже нѣтъ того смутнаго представленія о быломъ времени мирнаго сожительства сосѣднихъ народовъ, что для Саввы Чалаго является идеаломъ, желательнымъ исходомъ и на будущее время.

Савва Чалый, Марина и Лысенко,—энергичный, храбрый и жестокий организаторъ возстанія противъ польскаго режима, одинъ изъ дѣятелей Хмельничины и пособниковъ Богдана,—это крѣпкіе, стойкіе и энергичные типы. Около нихъ отдѣльныя лица изъ народа и народ-

ная масса: въ нихъ есть скрытая энергія, готовая почва для искры возстанія, но ихъ нужно разжечь, увлечь. И тамъ, и здѣсь, въ обѣихъ пьесахъ намѣчены окружающія условія: въ пьесѣ „Савва Чалый“ намѣчено это въ рѣчахъ казаковъ, собранныхъ Петромъ Чалымъ, здѣсь, въ пьесѣ „Переяславська Ніч“, передъ читателемъ нѣсколько фактовъ рельефныхъ и яркихъ: церковъ на арендѣ у еврея и разрѣшеніе служить пасхальную заутреню, преслѣдованіе за печеніе пасокъ, оскорбленіе священника—все это детали, отдѣльныя черты цѣлой и мастерски-нарисованной картины гоненій въ „Исторіи Руссовъ“. Молодой историкъ вполне довѣрялъ еще этимъ показаніямъ и потому, пользуясь и другими указаніями такъ называемаго Конисскаго, привелъ изъ этого сочиненія и главные детали характеристики этихъ временъ. Впрочемъ, намѣчая такими чертами польско-украинскія отношенія и самихъ поляковъ, Костомаровъ остался справедливымъ и къ украинцамъ, и реальными, можетъ быть нѣсколько рѣзкими, чертами намѣтилъ озлобленіе и жестокость возставшихъ въ ихъ стремленіи отомстить за претерпѣнныя страданія. Въ пьесѣ „Савва Чалый“ мы видимъ настроеніе народа лишь по разговорамъ собравшихся около Петра Чалаго его сподвижниковъ казаковъ, узнаемъ далѣе, что нововыбранный гетманъ ведетъ за собою казаковъ вернуть отъ поляковъ Чигиринъ и казаки не вполне довольны этими постоянными тревогами. Зато въ пьесѣ „Переяславська Ніч“ авторъ хотѣлъ намѣтити подъемъ народной энергіи, быстрый переходъ отъ безпомощнаго безсилія къ мощному проявленію народной мести и народной энергіи; внѣшнимъ толчкомъ послужило появленіе Лысенка съ помощью отъ Хмельницкаго, но, конечно, негодованіе и злоба сильны были и ранѣе, а теперь вспыхнули такимъ яркимъ пламенемъ. Это вполне понятно, но этотъ быстрый переходъ къ энергіи и мести намѣченъ не вполне ясно. Точно такъ же не вполне ясенъ для читателя и переломъ въ душѣ Лысенка, когда онъ, тронутый увѣщаніями священника Анастасія, даетъ приказаніе остановить рѣзню и избіеніе поляковъ: конечно, этотъ призывъ къ покаянію и милосердію тронулъ суровую душу Лысенка, но обрисовано все это поверхностно и не вполне ясно.

Интересная фигура этотъ священникъ Анастасій, вызывающій среди рѣзни и избіенія къ милосердію и прощенію. Это не энергичный и мужественный человѣкъ, самъ въ душѣ казакъ, словно по недоразумѣнію смѣнившій гуль воинственной схватки на мирную службу церкви и въ качествѣ священнослужителя благословляющій народъ и каза-

чество на ожесточенную и безпощадную борьбу за родину и вѣру, типъ, существовавшій въ минувшемъ и оставившій прочный слѣдъ въ воспоминаніяхъ народа о быломъ. Нѣтъ, отецъ Анастасій задуманъ и обрисованъ иными чертами. Авторъ хотѣлъ здѣсь сочетать преданность идеѣ, преданность непоколебимую и даже не отступающую предъ возможностью мученичества, вмѣстѣ съ возвышеннымъ пониманіемъ завѣта Христова. Легко понять, что въ минуту ожесточеннаго избіенія врасплохъ захваченныхъ и беззащитныхъ поляковъ составившимъ населеніемъ, среди вырвавшейся наконецъ наружу долго дотолѣ тайной и подавляемой жажды мести и возмездія, среди стонów и проклятій, когда нѣтъ уже сомнѣній въ перевѣсѣ надъ поляками, отецъ Анастасій въ такую минуту будетъ сдерживать разбушевавшуюся массу, будетъ звать о милосердіи и жалости къ избиваемымъ врагамъ, стараясь пробудить у побѣдителей чувство великодушія. Это вполне понятно, но каково же поведеніе отца Анастасія дотолѣ, до этого народнаго возстанія, при видѣ тяжелыхъ сценъ оскорбленія и поруганія религіозныхъ чувствъ единовѣрцевъ? Вѣдь ему пришлось уже пережить тяжелую, унижительную минуту откупа у еврея православной церкви для совершенія тамъ пасхальной службы, и вотъ неожиданно еврей останавливаетъ перенесеніе плащаницы, требуя за это дополнительнаго сбора: народъ возмущенъ такимъ оскорбленіемъ, какъ же поступитъ отецъ Анастасій? За себя онъ не боится, не отступаетъ онъ даже и предъ страхомъ кары: вѣдь святое дѣло встать на защиту сѣе вѣры,—но народъ онъ останавливаетъ и старается удержать отъ рѣзкаго проявленія своихъ возбужденныхъ чувствъ. Здѣсь-то въ мотивировкѣ и есть психологическая неясность: убѣжденіе ли это, что лучше одному пострадать за весь народъ, одному священнику за всю свою паству? Спокойно встрѣчая грозящее ему заключеніе и оскорбленіе, отецъ Анастасій сдерживаетъ бросившійся было къ нему на защиту народъ напоминаніемъ, что существуетъ для религіи высшая, небесная защита, и она-то можетъ безъ людскаго вмѣшательства и помощи спасти отъ угнетенія, если на то будетъ высшая воля. Онъ приглашаетъ народъ успокоиться и далѣе терпѣть, какъ терпѣли и доселѣ, молясь и плача. Смертельный грѣхъ „зананашати душу дурно“: эту фразу нужно сопоставить съ тѣмъ мѣстомъ рѣчи отца Анастасія, гдѣ онъ указываетъ на безсиліе небольшой кучки, на безрезультатность задуманнаго возстанія. Такимъ образомъ выходитъ, что отецъ Анастасій не проводитъ до конца теоріи непротивленія злу, не до конца же совѣтуетъ терпѣть, молясь и сокру-

шаясь, а только находить, что въ данную минуту, при наличныхъ силахъ, попытка возстанія будетъ неудачною: нужно ждать, чтобъ случились болѣе благопріятныя условія ¹⁾. Ближе развиваетъ свою мысль отецъ Анастасій въ своихъ словахъ Семену Герцыку. Когда Герцыкъ, возмущенный исчезновеніемъ своей невѣсты, ея насильственнымъ, какъ ему казалось, захватомъ, поднимаетъ въ порывѣ мести народъ противъ поляковъ вообще и похитителя-старосты въ частности, отецъ Анастасій удерживаетъ народъ сначала напоминаніемъ о святости дня, а послѣ рѣзкой отповѣди Герцыка — указываетъ, что неудачная попытка возстанія еще болѣе усилитъ гнѣтъ и давленіе со стороны поляковъ, и единственный по его мнѣнію выходъ это просить помощи у гетмана Хмельницкаго и, соединившись съ его войсками, разомъ подняться противъ поляковъ и добиться не временнаго изгнанія поляковъ изъ Украины, а полной свободы, полного очищенія украинской земли отъ непримиримыхъ враговъ. Но когда неожиданно эта помощь явилась, отецъ Анастасій снова успокаиваетъ народъ, призывая снова не поддаваться чувству мести, не забывать въ день Воскресенія великаго завѣта Воскресшаго. И опять мы слышимъ тѣ же увѣщанія и призывы среди рѣзни и избіенія, но здѣсь уже побѣда ясна, и этотъ призывъ къ гуманности обращенъ уже къ великодушію побѣдителей. Таковы неясности и недомолвки въ обрисовкѣ фигуры отца Анастасія.

Жестокій въ своемъ упоеніи местью, Лысенко не сразу поддается на увѣщанія и уговоры отца Анастасія; наконецъ, онъ уступаетъ, останавливаетъ рѣзню и даруетъ жизнь старостѣ поляку. Но тотъ не принимаетъ такого дара: униженіе вчерашняго повелителя и господина слишкомъ велико, чтобы ему это все перенести. Онъ иронизируетъ надъ великодушіемъ побѣдителя: неужели это великодушіе, эта пощада можетъ загладить весь вредъ и зло, причиненные полякамъ дѣятельностью Лысенка, неужели Лысенко думаетъ этимъ смыть всю пролитую имъ доселѣ польскую кровь? И вмѣсто благодарности за великодушіе, за пощаду, староста хочетъ мести, хочетъ биться одинъ-на-одинъ съ Лысенкомъ. Поединокъ кончается для обоихъ враговъ смертельнымъ исходомъ, и въ предсмертной агоніи Лысенко обращается со словомъ примиренія къ сраженному противнику и получаетъ въ свою очередь тѣ же слова примиренія и отъ старосты. Оба они умираютъ. Не подчеркнуто это, какъ мысль автора, но невольно

¹⁾

„если бъ при иныхъ се было случи“...

приходить на умъ: неужели такъ и суждено этимъ двумъ братскимъ народамъ враждовать и ослаблять другъ друга, чтобы только на порогъ вѣчности и смерти примириться, чтобы умереть братьями? Словно это отвѣтъ на идиллическіе образы былой дружбы, былого мирнаго единенія близкихъ сосѣдей (при королѣ Стефанѣ,—по словамъ Саввы Чалаго).

Лысенко и его сестра Марина, Савва Чалый, отецъ Анастасій—это персонажи, обрисованные болѣе детально; нѣсколько дальше стоятъ Катерина, жена Саввы Чалаго, гетманъ Петро, отецъ Саввы, староста переяславльскій, Конецпольскій,—намѣчены они поверхностнѣй, безъ детальной психологической разработки; два представителя польской администраціи и аристократіи—староста переяславльскій и Конецпольскій словно отбѣиваютъ своимъ польскимъ панскимъ міросозерцаніемъ настроенія и желанія народной массы. Въ обрисовкѣ Катерины, сначала невѣсты, а послѣ и жены Саввы Чалаго, чувствуется близкое вліяніе народной лирики и созданныхъ ею чарующихъ женскихъ образовъ. И это не только въ общей обработкѣ женскихъ персонажей, даже въ отдѣльныхъ мѣстахъ репликъ чувствуется вѣяніе тѣхъ или иныхъ определенныхъ мѣстъ народныхъ пѣсенъ и ихъ деталей. Обычный ингрѣдиентъ драматическихъ произведеній украинской литературы, вставки народныхъ пѣсенъ, на лицо и у Костомарова: первое появленіе Катерины въ первой сценѣ 2-го акта намѣчаетъ общее положеніе дѣла грустною ея пѣсней „Чи я в лузі“, подобно тому и въ концѣ пьесы въ неясномъ предчувствіи грядущаго несчастья Савва Чалый выражаетъ народною пѣсней свое тоскливое настроеніе. Такимъ образомъ, какъ выше въ стихотвореніяхъ, такъ и здѣсь въ драматическихъ сценахъ чувствуется близкое вѣяніе народной лирики ¹⁾.

¹⁾ Костомаровъ самъ въ автобіографіи отмѣтилъ въ трагедіи „Переяславська ніч“ какъ особенность „введеніе хора, что придавало ей видъ подражанія древней греческой трагедіи“ (Литер. насл. с. 37). Хоръ выступаетъ въ двухъ мѣстахъ: въ первомъ случаѣ это послѣ разсказа Лысенка, призыва къ возстанію и діалога между Лысенкомъ и отцомъ Анастасіемъ. Распадается здѣсь хоръ на отдѣльные моменты: общій хоръ, хоръ всѣхъ: контрастъ ясной весны и тяжелой неволи Украины, далѣе въ тѣсной взаимной связи хоръ молодежи: юношей и дѣвушекъ; при чемъ юноши зовутъ дѣвушекъ къ весеннимъ играмъ и забавамъ, а дѣвушки отвѣчаютъ напоминаніемъ о необходимости сначала раздѣлаться съ врагомъ. Наконецъ, общій хоръ, хоръ всѣхъ заключаетъ сравненіемъ снѣга, уступившаго предъ тепломъ, съ врагомъ, подавшимъ суровой заслуженной карѣ. Въ другомъ случаѣ хоръ выступаетъ послѣ свиданія Лысенка съ сестрою Мариною и ея признаніемъ о любви своей къ старотѣ поляку: хоръ, разбитый на два полухора, славить сначала личную любовь и ея

Выше указано было чистосердечное признаніе самого Костомарова въ слабыхъ сторонахъ его пьесъ въ смыслѣ историческомъ. Остается сказать еще нѣсколько словъ о литературныхъ ихъ достоинствахъ. Основная черта драматическихъ пьесъ Костомарова—горячая любовь къ родинѣ, ея минувшему: былыя страданія вызываютъ въ авторѣ горячее сочувствіе къ угнетеннымъ и терпѣвшимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ повсюду сквозитъ бодрая увѣренность въ будущемъ, бодрая надежда на свѣтлую судьбу впереди. Между двумя этими по времени послѣдовательными пьесами есть небольшая разница въ разработкѣ основного сюжета. Судьба Саввы Чалаго—тема первой пьесы—это личная судьба, личные колебанія и сомнѣнія, народа здѣсь нѣтъ и на сценѣ лишь отдѣльныя единичныя личности. Во второй пьесѣ выступаетъ уже и народъ: здѣсь не только изъ разговора присутствующихъ—какъ въ пьесѣ „Савва Чалый“—мы узнаемъ про тяжелое положеніе Украины, но и цѣлымъ рядомъ вмѣстѣ подобранныхъ эпизодовъ авторъ прямо передъ читателемъ рисуетъ угнетенное положеніе украинской народности и украинскаго населенія. Народныя массы являются здѣсь дѣятельнымъ факторомъ: онѣ пассивны и не выступаютъ пока, но въ глубинѣ народной души таится тяжелое бремя безсильной ненависти и мучительной злобы, и появленіе Лысенка—толчокъ, выводящій изъ этой тяжелой пассивности. Народъ поднимается, чтобы отомстить и вернуть свои права, и на фонѣ этого пробужденія, этого подъема, вырисовываются колебанія Лысенка, страданія влюбленной Марины, ея тяжелый компромиссъ между родиною и любовью. Такимъ образомъ, въ разработкѣ пьесы народъ является уже важнымъ, необходимымъ элементомъ:—это было новинкою. Встрѣчается у Костомарова порою недостатокъ жизненности и выпуклости въ обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ, неясности и пропуски въ психологической мотивировкѣ отдѣльных поступковъ и дѣяній, но эти промахи не подрываютъ литературныхъ достоинствъ пьесъ Костомарова, первыхъ историческихъ пьесъ въ украинской литературѣ XIX в. ¹⁾.

вѣрность милому, а потомъ великую любовь къ родинѣ, ея превосходство и первенство надъ всѣми стремленіями и чувствами.

¹⁾ Относительно критики первыхъ опытовъ Костомарова на украинскомъ языкѣ отмѣтимъ, что Бѣлинскій очень благосклонно отнесся къ первой пьесѣ Костомарова и болѣе сдержанно къ его же Балладамъ (Отеч. Зап. 1839). А. Чужбинскій, разбирая альманахъ Гребенки „Ластівка“, мимоходомъ упомянулъ, что „Савва Чалый“ бездарное произведеніе (Москвитининъ 1841 г.), а Тихорскій, вообще похваливъ драму „Переяславська ніч“ и переводы изъ Байрона, прочелъ цѣлое наставленіе на тему

Костомаровъ ¹⁾ не только былъ усерднымъ вкладчикомъ ²⁾ современной украинской литературы, но онъ же выступилъ и въ роли критика: въ сборникъ Бецкаго „Молодикъ“ помѣстилъ Костомаровъ критическую статью „Обзоръ сочиненій, писанныхъ на малороссійскомъ языкѣ“. Собственно критикъ современныхъ литературныхъ произведеній на украинскомъ языкѣ предпосланы общія замѣчанія объ украинской литературѣ и украинскомъ литературномъ языкѣ—вообще. „Языкъ, называемый обыкновенно малороссійскимъ, которымъ говорятъ въ юго-западныхъ губерніяхъ Россіи и въ Галицкомъ королевствѣ, не есть нарѣчіе языка русскаго, образовавшагося въ послѣднее время: онъ существовалъ издавна и теперь существуетъ какъ нарѣчіе славянскаго корня, занимающее по своему грамматикальному и лексикальному устройству средину между восточными и западными нарѣчіями огромнаго славянскаго племени, нарѣчіе правильное, богатое, гармоническое и способное къ развитію литературной образованности.... Но, можетъ быть, спросятъ: гдѣ же прежняя малороссійская литература? ибо если существовалъ народъ, то какъ можно, чтобы языкъ его оставался вовсе безъ письменности? но спросимъ прежде: была ли въ сѣверной Руси великороссійская литература? А между тѣмъ языкъ этой половины нашего отечества такъ же древенъ, какъ и южной“. Далѣе авторъ переходитъ къ историческимъ указаніямъ и намѣчаетъ процессъ образованія изъ литературнаго языка древней Руси—церковно-славянскаго—путемъ привнесенія сюда элементовъ народной рѣчи малороссійской и великороссійской—позднѣйшихъ двухъ литературныхъ языковъ Сѣверной Руси и Южной Руси, и вмѣстѣ съ тѣмъ

„поэзія — дѣла чистая“, о необходимости воздерживаться въ литературныхъ произведеніяхъ отъ всякихъ рѣзкихъ выраженій и „бранихъ словъ“ (Маякъ 1842). Въ защиту „Переяславльской ночи“ отъ нападокъ Тихорскаго выступилъ Семеновскій (Маякъ 1843 XII). Относительно отзыва Чужбинскаго, см. въ автобіографіи Костомарова. Русск. Мысль 1885. V, стр. 204, — объясненіе самого Чужбинскаго на счетъ поспѣшности оцѣнки.

¹⁾ Костомарову принадлежитъ редакція украинскаго отдѣла въ „Молодикъ“ Бецкаго; интересно и умѣло подобранный литературный матеріалъ вызвалъ общее вниманіе и одобреніе публики. См. у Срезневскаго, И. Е. Бецкій. *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1900. XII. 290.

²⁾ О нѣкоторыхъ неизданныхъ произведеніяхъ Костомарова вспоминаетъ А. Корсунъ въ воспоминаніяхъ своихъ о харьковской былой дружбѣ съ Костомаровымъ, см. Русскій Архивъ 1890. X, а нѣкоторые литературные свои планы намѣтилъ самъ Костомаровъ въ письмѣ своемъ Бецкому, см. въ статьѣ Срезневскаго, И. Е. Бецкій. *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1900. XII.

указываетъ, что литературный языкъ Южной Руси „много имѣлъ вліянія на образованіе нашего языка высшаго общества и литературы“... Новый расцвѣтъ украинской литературы въ началѣ XIX в. тѣсно связанъ съ усвоеніемъ идеи народности: „народность Малороссіи есть особенная, отличная отъ народности Великороссійской... Но какъ могъ явиться на поприщѣ изящной литературы малороссіянинъ, получившій первыя впечатлѣнія въ Малороссіи, лепетавшій—можетъ быть—первыя слова на родномъ своемъ языкѣ? Не иначе, какъ съ своею малороссійскою народностью, съ своимъ народнымъ нарѣчіемъ.... Стремленіе писать по малороссійски—есть потребность времени, потому что исходитъ изъ того начала, которое оживляетъ настоящее общество“....

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній Костомаровъ переходитъ собственно къ произведеніямъ украинской литературы XIX в.; начинается критикъ, конечно, съ „Энеиды“, далѣе идетъ разборъ „Наталки-Полтавки“ и стихотвореній Гулака-Артемовскаго. И „Энеида“ Котляревскаго и пародіи Гулака для Костомарова показателя цѣлаго „пародическаго направленія“: это переходная ступень въ развитіи нашей литературы, переходная ступень къ задачамъ болѣе серьезнымъ и сложнымъ, но это „пародическое направленіе“ имѣло и опасныя качества, оно словно отбрасывало тѣнь на всю молодую литературу, словно возбуждало сомнѣнія въ серьезности цѣлаго періода литературы. „Гребенка первый отошелъ отъ прежняго пародическаго направленія... (онъ) хотѣлъ въ своихъ сочиненіяхъ показать способность его (украинскаго языка) къ развитію и богатству. Перевесть Полтаву Пушкина на малороссійскій языкъ—идея смѣлая, приносящая честь тому, кто первый счелъ языкъ способнымъ къ этому“... Съ другой стороны—„безъ всякаго сомнѣнія, честь возведенія родного слова на высшую степень развитія—смѣю сказать—честь созданія малороссійской литературы принадлежитъ писателю, скрывшему себя подъ вымышленнымъ именемъ Основьяненко“. Далѣе идетъ обстоятельная характеристика произведеній Квитки и специальный экскурсъ о психологіи украинской дѣвушки и женщины. Другая крупная фигура современной украинской литературы, конечно, Шевченко, недавно начавшій, но неоспоримый талантъ, признанный всѣми. Критикъ выписываетъ стих. „Бють пороги“ и послѣ общихъ указаній о литературномъ достоинствѣ стихотвореній Шевченка заканчиваетъ: „Основьяненко и Шевченко, безъ сомнѣнія, суть лучшіе малороссійскіе писатели, особенно отъ послѣдняго, при счастливомъ направленіи, можно ждать плодовъ достойныхъ“. По мысли автора, Квитка и Шевченко не только дальше

ведутъ молодую литературу, но впервые—послѣ крайностей „пародическаго направленія“—ставятъ ее на достойную высоту, усваивая ей серьезный характеръ. Статья заканчивается разборомъ сочиненій К. Тополи и А. Метлинскаго, этихъ *dii minores* современной Костомарову литературы украинской. Разобранная критическая статья—единственный опытъ Костомарова въ этомъ родѣ за все харьковское время: да и долго позднѣе не возвращался Костомаровъ къ такимъ темамъ, хотя первый дебютъ и имѣлъ успѣхъ.

IV.

Научныя работы.

Первою самостоятельною работою научнаго характера была для Костомарова разборка Острогожскаго казачьяго архива: одновременно изученіе архива съ научными было это и цѣлями и школа архивныхъ изысканій. Постепенно первоначальный скромный планъ расширяется болѣе и болѣе, и Костомаровъ задумываетъ болѣе сложную работу, именно проработать на основаніи сырого архивнаго матеріала исторію Слободской Украины: это былъ бы переходъ отъ прежнихъ „топографическихъ описаній“ и историко-статистическихъ экскурсовъ къ научно продуманному историческому обзору. Къ сожалѣнію, отъ этого ранняго труда не осталось слѣдовъ ¹⁾.

Рано начинаетъ намѣчаться у Костомарова основная черта его историческаго міросозерцанія—демократическое пониманіе исторіи. Заинтересовавшись внутреннею стороною пережитыхъ челоѣчествомъ эпохъ, Костомаровъ скоро замѣтилъ важный пробѣлъ въ построеніяхъ минувшаго прошлаго: не хватало народа, народныхъ массъ. „Отчего это—думалось молодому историку—во всѣхъ исторіяхъ толкуютъ о выдающихся государственныхъ дѣятеляхъ, иногда о законахъ и учрежденіяхъ, но какъ будто пренебрегаютъ жизнью народной массы? Бѣдный мужикъ, земледѣлецъ труженикъ, какъ будто

¹⁾ Автобіографія (Русск. Мысль 1885. V, 200—201). Автобіографія (Литер. Насл. 27—28; трудъ пропалъ при кievской катастрофѣ). Отмѣтимъ, что мысль объ исторіи Слободской Украины не была новинкою для харьковскихъ знатоковъ мѣстной старины: въ 1812 г. изданы въ Харьковѣ „Записки о Слободскихъ полкахъ“ (Г. О. Квитки, переизд. въ Харьковѣ 1883 г.), въ 1839 г. Срезневскаго „Историческое Обзорѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украины“ (переизд. въ Харьковѣ 1883 г.), наконецъ статья Квитки „О Слободскихъ полкахъ“ напечатана въ Современникѣ 1840 г.

не существуетъ для исторіи; отчего исторія не говоритъ намъ ничего о его бытѣ, о его духовной жизни, о его чувствованіяхъ, способѣ его радостей и печалей?“¹⁾ У насъ теперь нѣтъ ясныхъ указаній на систему историческаго чтенія, на постепенную выработку оцѣнокъ и взглядовъ у Костомарова для этого далекаго времени, но нѣкоторыя указанія мы находимъ въ историческихъ стихотвореніяхъ и пьесахъ Костомарова, именно здѣсь мы можемъ подмѣтить и прослѣдить, чѣмъ интересовался Костомаровъ въ минувшихъ судьбахъ родины, какими сторонами и какими моментами былой жизни. Присматриваясь внимательно къ этимъ поэтическимъ пробамъ Костомарова, легко замѣтить, что наиболѣе интересны ему не воспоминанія былого могущества и славы, а отголоски времени подъема народныхъ массъ за свою вѣру, родину и національность, и силуэты одинокихъ выразителей народнаго протеста и гнѣва въ эпохи угнетенія и напряженнаго затишья передъ бурей, которое такъ часто въ близорукомъ ослѣпленіи считали за полное успокоеніе. Расправы гайдамакъ и движеніе Хмельницкаго, тяжелые факты угнетенія и могучій взрывъ народнаго воодушевленія—вотъ темы литературныхъ опытовъ Костомарова.

Эти-то интересы отразились и на первой диссертациі Костомарова²⁾. Затрогиваетъ она эпоху введенія религіозной уніи—„О причинахъ и характерѣ уніи въ Западной Россіи“ (1842), но помимо разработки фактовъ и способа ихъ осмысленія, интересны здѣсь и общія воззрѣнія историка. „Когда исторія—замѣчаетъ здѣсь Костомаровъ—представляетъ намъ борьбу противныхъ идей, движущихъ враждебныя массы одного и того же народа, важность такой борьбы опредѣляется по мѣрѣ того, какъ весь народъ приметъ въ ней участіе, идея ея приведетъ въ движеніе всѣ силы страны и станетъ народною идеею. Но чтобы опредѣлить характеръ такой эпохи, мы непременно должны вникнуть въ событія того времени, когда начала одушевлявшія эту борьбу развиваются и приготавливаются ея дѣйствователи“. Такимъ образомъ, для ученаго, центръ интересовъ—жизнь и воззрѣнія народныхъ массъ и съ момента ихъ выступленія исторія пріобрѣтаетъ особый интересъ. Унія интересна для Костомарова съ

¹⁾ Автобіографія—Литер. Насл. стр. 28.

²⁾ О диссертациі Костомарова въ статьѣ М. Сухомлинова—„Уничтоженіе диссертациі Н. И. Костомарова въ 1842 г.“. Древняя и Новая Россія 1877. I, стр. 42—55.

того момента „когда она сдѣлалась политическою задачею, когда въ лагеряхъ козацкихъ предводителей рѣшено было отторгнуть Западную Русь отъ Польши, а въ московскомъ кабинетѣ—соединить ее съ Московіею“, здѣсь главный интересъ этой эпохи для изслѣдователя, хотя, конечно, для яснаго пониманія нельзя оставить безъ вниманія и предшествующаго времени, когда она, унія, „возникла подъ честолюбивыми замыслами епископовъ“. Вопреки прежнему вниманію историковъ къ правителямъ и дипломатамъ, Костомаровъ выдвигаетъ на первый планъ народную массу, отодвигавшуюся ранѣе всегда въ тѣнь. Сообразно съ такимъ возрѣніемъ мѣняется и оцѣнка главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Хмельницкій, раньше вождь-освободитель, двигавшій и направлявшій народныя массы, теперь является лишь выразителемъ народныхъ стремленій и желаній. Хмельницкій это „человѣкъ, посланный Провидѣніемъ въ то время, когда уже сѣмена рѣшительнаго переворота созрѣли, когда единственною одушевляющею идеею народною стало освобожденіе отъ чужеземнаго ига;... не Хмельницкій поднялъ ее (брань), не ему принадлежитъ честь освобожденія родины, честь славнаго окончанія первой войны: онъ былъ только избранникомъ народа своего, орудіемъ потребностей своего времени, своей страны... не Хмельницкій былъ дѣйствующимъ лицомъ, а народъ; не Хмельницкій воззвалъ народъ къ возстанію, а народная потребность вызвала Хмельницкаго изъ бездѣйствія“...

Хмельница или „брань малороссіянъ съ поляками“ — выясняетъ авторъ свой взглядъ—„эта великая борьба за свободу совѣсти, за независимость страны, — не была мятежемъ для пріобрѣтенія выгодныхъ правъ, не была возмущеніемъ утѣсненной массы въ родѣ попытки, это было ополченіе рѣшительное“... Различнаго типа бывали мятежи и возмущенія — далѣе развиваетъ свою мысль Костомаровъ— „но бываютъ возстанія народа, потерявшаго не только права гражданскія, но и человѣческія; возстанія въ ту эпоху, когда всякое терпѣніе исчезаетъ, когда тиранія не одного правительства, а цѣлаго народа надъ другимъ переходитъ границы: такія возстанія не кончаются примиреніемъ, а совершеннымъ отдѣленіемъ, часто паденіемъ одного изъ народовъ. Въ мятежахъ всѣхъ предъидущихъ родовъ для успѣха нужно великаго человѣка, нужно приготовить средства: здѣсь не для чего искать ихъ—они явятся сами; не нужно воззваній—всякій чувствуетъ свое бѣдствіе, всякій готовъ на смерть, потому что для всякаго уже надоѣла жизнь; не нужно даже готоваго войска: старики и женщины становятся въ ряды мятежныхъ полчищъ. Таковы

были брани нидерландцевъ съ испанцами, брани шведовъ съ датчанами при Густавѣ Вазѣ, брани грековъ съ турками въ наше столѣтіе. Такова была брань малороссіянъ съ поляками“...

Конечно, чтобы представить ясно значеніе уніи въ исторіи украинскаго народа, нужно прослѣдить основные моменты предшествующаго времени. „Западная Русь, вначалѣ имѣвшая свою религіозную и національную самостоятельность, теряла ее по мѣрѣ упадка внутреннихъ силъ и единства“. Живя въ близкомъ сосѣдствѣ съ Польшею, Русь постепенно сближалась съ нею въ политической жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ—отмѣчаетъ Костомаровъ—сближалась православная вѣра съ римско-католическою: казалось, что болѣе тѣсно сближить двѣ народности, болѣе прочно ихъ свяжетъ—унія, однако вышло не такъ. „Народъ русскій былъ безсиленъ устоять въ православіи и національности. Унія пробудила въ немъ чувство того и другого“, и такимъ путемъ „послѣдствія уніи были совершенно противны ея положительному назначенію: дѣло шло о томъ, чтобы соединить крѣпко Русь съ Польшею, утвердить силу королевства, истребить на Руси православіе, а вышло то, что Русь совершенно освободилась отъ польскаго ига, Польша погибла, православіе избавилось отъ враговъ и процвѣло въ полномъ блескѣ“. Важную роль сыграли здѣсь козаки: они „были виновниками перерожденія Малороссіи и спасителями православія и народности“.

Такимъ образомъ тема объ уніи, взятая именно со стороны участія или интересовъ народной массы, неминуемо выдвигала вопросъ о ранней исторіи козачества въ XVI в. Явленіе, казалось бы, самостоятельное—унія тѣсно связана была съ многими теченіями и сторонами тогдашней жизни, и потому при разработкѣ темы объ уніи неминуемо поднимались и другіе важные и интересные вопросы. Перейдя отъ организаціи слободскихъ полковъ къ явленію болѣе раннему—уніи, изслѣдователь увидѣлъ безчисленныя нити, соединявшія эту эпоху съ временами предшествовавшими, напримѣръ, съ порою возникновенія и первоначальнаго развитія козачества. Такъ отодвигался далѣе и далѣе центръ научныхъ интересовъ Костомарова. И сама Хмельничина, какъ тема самостоятельная, оказалась связанною съ многими другими важными и неразработанными еще вопросами, и, перейдя къ изученію историческихъ источниковъ для времени Хмельницкаго, Костомаровъ долженъ былъ параллельно заняться обработкою детальныхъ экскурсовъ по ранней исторіи козачества, по исторіи дворянскаго сословія etc. Кое что изъ этихъ своихъ экскурсовъ

онъ успѣлъ обработать еще въ Харьковѣ—такъ появились двѣ его историческія статьи въ сборникъ Бецкаго „Молодикъ“ ¹⁾).

Первая статья „Русско-польскіе вельможи. I. Князья Острожскіе“ открывается общими бѣглыми замѣчаніями о могуществѣ и значеніи магнатства въ Литвѣ и Польшѣ; подчеркиваетъ историкъ отношеніе этого магнатства къ вѣрѣ и народности: „неоспоримо то, что большая часть изъ тѣхъ, которые жили въ Великомъ княжествѣ, были русскіе по крови и по вѣрѣ, въ старину храбро и ревниво стояли за честь своего отечества и неприкосновенность, напоминая польскимъ королямъ, что русскій народъ соединился съ польскимъ, какъ равный съ равнымъ, вольный съ вольнымъ,—а дѣти ихъ и внуки, принявши польскіе права и обычаи, перешли наконецъ въ католичество и сдѣлались врагами своей вѣры, родины и единокровнаго народа“. Останавливается нѣсколько детальнѣе авторъ на личности К. И. и К. К. Острожскихъ, отмѣчаетъ заботы о просвѣщеніи К. К. Острожскаго, описываетъ, какъ картину быта того времени, пышность острожской жизни магнатства, подробно рассказываетъ переходъ Острожскихъ въ католичество, заканчивая указаніями о судьбѣ Януша и Анны Острожскихъ.

Вторая статья „Первыя войны малороссійскихъ козаковъ“ обнимаетъ движеніе Косинскаго и Наливайка. „При составленіи этого разсказа сочинитель—замѣчаетъ Костомаровъ—руководствовался преимущественно Лубенскимъ ²⁾, Янчинскимъ, Нѣмцевичемъ, малороссійскимъ лѣтописцемъ и народными пѣснями“. Начинаетъ авторъ съ общихъ замѣчаній о разложеніи общественнаго строя Польши за это время: „власть короля ослабѣвала, своевольные магнаты забыли всякія границы буйству; на сеймахъ не было ладу, въ судахъ—правосудіа, въ управленіи—порядка, въ законахъ святости“... Недовольство существующимъ порядкомъ проникало въ круги общества, магнаты жалѣли о недавней самостоятельности и сожалѣли о соединеніи Литвы съ Польшею, опасаясь за будущее. Народъ былъ въ угнетеніи у помѣщиковъ, евреевъ-арендаторовъ и буйнаго жолнерства, размѣщеннаго на квартирахъ. Духовенство роптало на свое зависимое положеніе и проистекающую отсюда приниженность. „Всѣмъ было худо, но не всѣ равно думали, какъ помочь горю“. Шляхта думала добиться своего мирнымъ, конституціоннымъ путемъ, но изъ сеймовыхъ приви-

¹⁾ Кн. III, стр. 46—70, 186—203.

²⁾ Сомнѣніе въ вѣрности его показаній—см. стр. 50*.

легій объ уравниеніи правъ ничего не выходило. Духовенство и крестьянство сами по себѣ были безсильны, а казаки такъ говорили во всеуслышаніе: „пришла пора посчитаться съ ляхами; коли наши права руйнують, коли православную вѣру вражаютъ, такъ дадимъ же мы имъ!... Первое непріятельское движеніе противъ поляковъ, принятое съ цѣлью освобожденія отъ польскаго ига, было движеніе Косинскаго 1594 г. Косинскій задумалъ освободить Украину отъ Польши, хотѣлъ быть въ самомъ дѣлѣ независимымъ гетманомъ и сражался не изъ добычи, а для освобожденія Украины; славнѣе всѣхъ его сподвижниковъ былъ Иванъ Лобода, полковникъ Переяславскій“. Таковъ для Костомарова смыслъ этого давняго времени и побужденій козачества въ эту раннюю пору его существованія. Козачество еще не принимаетъ значенія рѣшающаго элемента въ русско-польскихъ распряхъ, но уже намѣчается его будущая роль, намѣчается самымъ ходомъ дѣлъ и жизни.

Если говорить о первыхъ шагахъ Костомарова въ изученіи исторіи козачества, то не лишнее будетъ привести его замѣчанія о козакахъ изъ диссертации о народной поэзіи ¹⁾. „Политическая жизнь Малороссіи—замѣчаетъ онъ здѣсь—была военною. Козакъ, руководимый идеями вѣры и любви къ родинѣ, жилъ въ непрерывной брани... Враги Христа—турки и татары были непримиримыми врагами козаковъ“... Среди главныхъ, основныхъ признаковъ типа козака по пѣснямъ Костомаровъ на первомъ мѣстѣ ставитъ вѣру, любовь къ родинѣ. Далѣе въ изложеніи присоединяется къ этому чувство товарищества, воинственность и стремленіе къ славі; по поводу Нечая замѣчено, что „козакъ былъ природный поэтъ: творческая сила при случаѣ готова зашевелиться въ груди его“; комбинируя всѣ эти указанія и черты пѣсенъ, легко замѣтить, что для пѣсеннаго творчества козакъ—идеаль, „все прекрасное является (въ пѣсняхъ) подъ образомъ козака“; другое, конечно, дѣло, насколько такая идеализація совпадаетъ съ дѣйствительностью; разработка исторіи козачества и должна была внести сюда поправки.

Турки и татары были природными врагами козачества, но съ поляками сначала были дружескія отношенія: „въ началѣ малоруссы не были враги ляхамъ; чувствуя кровное славянское родство, признательность великому покровителю (Баторію), они клялись „зъ ляхами

¹⁾ „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“ стр. 92, 143, 158, 99, 102, 108, 110.

якъ зъ ридными братами жити и королю служити“... ¹⁾. Современники видѣли въ дарахъ Баторія залогъ новаго продолжительнаго счастья ²⁾. Не такъ оно вышло. Съ восшествіемъ на престолъ иноплеменной династіи Вазы начался смертельный раздоръ. Сеймъ стѣсняетъ права рыцарей православія; скопища крамольниковъ, покровительствуемыя правительствомъ, замышляютъ ниспровергнуть вѣру праотцевъ. Козаки ли, свободные, храбрые, преданные вѣрѣ и родинѣ, стерпятъ такія несправедливости?... Въ періодъ отъ Наливайка до возстанія при Хмельницкомъ козацкая сила окрѣпла, хотя съ виду кажется, будто угнетеніе и рабство угнетали всякое стремленіе къ свободѣ. Сагайдашній, пользуясь обстоятельствами и слабостію польскаго правительства, удержалъ козацтво между двумя крайностями и подготовилъ его быть спасеніемъ цѣлой русской націи. Сагайдашній показалъ, что Малороссія нужна для Польши и, вмѣстѣ, при случаѣ можетъ сладить съ Польшею: съ виду онъ былъ преданъ польскому правительству, но поступалъ вопреки ему, дѣйствуя всячески для блага своей родины... Сагайдашній былъ политикъ, дѣйствовалъ скрытно и медленно; если и враждовалъ съ поляками, то при удобномъ случаѣ мирился; у него въ виду была цѣль дальнѣйшая. Такой образъ дѣйствія совершенно не народенъ. Народъ принимаетъ къ чувству и сознанію только тѣ событія, въ которыхъ онъ самъ дѣйствующимъ лицомъ... Со смертію Сагайдашнаго настали времена страшныя. Католики и отступники поработили совершенно Малороссію. Вѣра въ униженіи; народъ въ рабствѣ; козацтво лишается даже имени. Бѣдственно кончились попытки Тараса, Павлюка, Гострыниці. Но пламень мести, надежда свободы борется со всеобщимъ отчаяніемъ“... И характеризуя это время по фальсификатамъ-пѣснямъ, Костомаровъ замѣчаетъ по поводу Повтора-Кожуха въ такъ называемой думѣ о трехъ полководцахъ: „ужасная пѣсня, народнаго отчаянія. Горькаго времени памятникъ“...

„Но вотъ прошло нѣсколько лѣтъ; козачество воскресаетъ, растеть, мужаеть. Настала пора грозная, эпоха освобожденія—это время Хмельницкаго. Въ сотнѣ пѣсенъ отразилось это памятное время и каждая выражаетъ дѣятельность цѣлаго народа“. Но вотъ гибнетъ

¹⁾ Ссылка на думу о Богданѣ. „Запорожская старина“, I, стр. 77—82.

²⁾ Идиллія польско-козацкихъ отношеній при Баторіи, см. у такъ называемаго Конисскаго „Исторія Руссовъ“. Срви. также и взгляды Саввы Чалаго въ пѣсѣ того же названія.

Хмельницькій, снова неуспѣвшій сложиться и принять прочныя, устойчивыя формы, порядок жизни и отношеній подвергается колебаніямъ и измѣненіямъ. „Малороссія, подчиненная Россіи, еще содержала въ себѣ такіе элементы, которые порождали несогласія, раздоры и партіи. Постоянно, можно сказать, дѣйствовали въ этой странѣ двѣ противныя партіи. Къ первой принадлежали люди благомыслящіе и большая часть простого народа. Эта партія считала русскаго Царя своимъ, Украину частію всеобщаго русскаго отечества. Была противная партія; ея держались честолюбцы, шляхтичи, напитанные польскимъ духомъ, и тѣ удалые гайдамаки, которыхъ долговременная война пріучила къ дикой вольницѣ. Эта партія не любила правительства. Шляхтичи думали примириться съ Польшею; въ головѣ удалцевъ вертѣлась помощь невѣрныхъ противъ Россіи; а честолюбцы выискивали случая ловить въ мутной водѣ рыбу, чтобы потомъ захватить въ свои руки правленіе. Волею-неволею народъ участвовалъ въ такихъ смутахъ, которыя продолжались полстолѣтія и были преемлены рѣшительною волею Преобразователя Россіи“...

„Въ пѣсняхъ о разрушеніи Сѣчи слышимъ погребальныя напѣвы надъ тѣмъ староукраинскимъ козачествомъ, которое, послуживъ органомъ возрожденія Руси, теперь должно было угаснуть, какъ ненужный остатокъ прежняго періода народной жизни. Горечь, но безъ отчаянія, проникаетъ эти пѣсни“...

Такова эта общая схема исторіи козачества у Костомарова; далеко неполна она, конечно, и принаровлена, кромѣ того, къ циклу народныхъ пѣсенъ. Знакомая въ народныхъ пѣсняхъ съ тѣми „впечатлѣніями, какія на духъ народа наложили историческія обстоятельства“ ¹⁾, историкъ не могъ не отмѣтить важной роли, придаваемой здѣсь козачеству: козачество является здѣсь центромъ, притягивающимъ всѣ симпатіи и все вниманіе. Понятно будетъ поэтому и освѣщеніе этого минувшаго явленія въ извѣстномъ опредѣленномъ стилѣ, строго выдержанномъ и цѣльномъ. По самому характеру своей диссертациі о народной поэзіи, Костомаровъ, характеризуя народныя воззрѣнія на козачество, могъ и не останавливаться на выясненіи вопроса, насколько эти воззрѣнія и идеализація соотвѣтствуютъ дѣйствительности: отводя такое центральное мѣсто народной массѣ, какъ дѣятелю исторіи, выясняя ея представленія о пережитомъ, историкъ

¹⁾ Выраженіе самого Костомарова въ Запискѣ 1870 г. Русская Мысль, 1885, VI, стр. 44.

пока могъ ограничиться лишь передачею этихъ представлений, но въ дальнѣйшемъ, сосредоточиваясь на былыхъ судьбахъ козачества, Костомаровъ долженъ былъ критически взвѣсить и разобрать эти указанія и воззрѣнія.

Слѣды такого критическаго разбора и изученія данныхъ и миѣній о ранней порѣ козачества мы находимъ въ статьѣ Костомарова „Мысли объ исторіи Малороссіи“, составляющей какъ бы *resumé* тогдашней его разработки и изученія исторіи козачества ¹⁾. Главная мысль автора это непосредственная связь особенностей козацкаго быта съ укладомъ древней Руси. Для болѣе понятнаго выясненія этой связи Костомаровъ слѣдитъ нѣкоторое время параллельно судьбу южной и сѣверной Руси. Тамъ на сѣверѣ ясно сознана была потребность въ объединеніи и дѣйствительно—въ противоположность удѣльной раздробленности и неустойчивости отношеній—создается единый центръ, вокругъ котораго спланиваются отдѣльныя земли и княжества и жизнь укладывается въ новыя рамки. На югѣ—продолжаетъ изслѣдователь—сложилось иначе и особенности удѣльнаго времени дольше сохраняли свою живучесть. „Вся эта старая Русь исчезла передъ свѣтомъ новой жизни на сѣверѣ, между тѣмъ на югѣ все оставалось съ прежними началами, хотя бы и въ отличныхъ формахъ. И вотъ, какъ бы чувствуя единымъ сердцемъ и думая единою мыслию, по выраженію лѣтописца, страна южно-русская, въ самое время паденія, воскрешаетъ въ себѣ прежнія угасающія начала: является козачество“. Связываютъ съ былыми особенностями древнерусскаго быта и институты козацкаго уклада: рада это—прежнее вѣче, а гетманъ то же, что нѣкогда князь; сначала и у козаковъ принималось во вниманіе происхожденіе и лишь позднѣе—по миѣнію Костомарова—съ переходомъ прежнихъ выдающихся русскихъ фамилій въ католичество и польскую культуру, козаки стали выбирать гетмановъ исключительно по ихъ личнымъ достоинствамъ.

Такова общая схема происхожденія козачества. Не ограничиваясь этимъ, авторъ дѣлаетъ нѣсколько критическихъ указаній относительно

¹⁾ „Библіотека для чтенія“ 1846 г. т. 78, стр. 21—42. Статья эта въ перечнѣ сочиненій Костомарова въ книгѣ „Литературное наслѣдіе“ не указана, о принадлежности ея Костомарову—въ его рецензій на „Записки о Южной Руси“ II.—Отечественныя Записки 1857, IX, стр. 13 и въ автобіографической запискѣ 1860 г.—Русская Старина 1891, II. Хотя „Мысли“ и написаны въ Кіевѣ, но основныя взгляды ея, конечно, относятся еще къ харьковскому времени. Срви. мою замѣтку, Записки Наук. Тов. ім. Шевченка, т. LXXIX, сс. 161—164.

ошибочности нѣкоторыхъ взглядовъ, встрѣчавшихъ однако признаніе и сочувствіе. Прежде всего разбираетъ изслѣдователь вопросъ о племенномъ составѣ козачества. Высказывалось польскими учеными мнѣніе, что послѣ монгольскаго нашествія южная Русь совершенно запустѣла и обезлюднѣла, а затѣмъ она сызнова была заселена жителями изъ Литвы, Бѣлоруссіи и Польши, принесшими сюда и современный украинскій языкъ: жители эти были вызваны оттуда и переведены въ южную Русь литовскими и польскими дворянами. Противъ такого мнѣнія Костомаровъ приводитъ цѣлый рядъ данныхъ: и историческія указанія противъ мнѣнія о запустѣніи южной Руси, и прямые свидѣтельства у прежнихъ польскихъ писателей на счетъ южно-русскаго состава козачества, наконецъ отмѣчаетъ и самобытность украинскаго языка. Такимъ образомъ опровергаетъ Костомаровъ и ошибочное представленіе о не мѣстномъ, не украинскомъ характерѣ козачества, и невѣрное представленіе о громадной культурной заслугѣ польскаго панства въ колонизаціи и заселеніи опустѣвшей и обезлюдѣвшей Украины. Разбираетъ мимоходомъ онъ и невѣрное мнѣніе, приравнивающее козаковъ къ янычарамъ или мамелюкамъ, военной олигархіи мусульманскаго міра: авторъ слишкомъ хорошо зналъ отзывы народнаго пѣсеннаго цикла о козакахъ и козацествѣ, чтобы хоть на минуту задуматься надъ мнѣніемъ, считающимъ козачество за что-то внѣшнее, чуждое, извнѣ налегшее на украинское населеніе; противъ такого мнѣнія—ясное выраженіе симпатій населенія къ козачеству, яркое и сильное стремленіе народа всѣмъ стать козаками, уйти въ козачество.

Другія критическія указанія касаются характеристики козацкихъ движеній. Не останавливаясь детальнѣе на вздорномъ мнѣніи, что козаки или „цѣлый народъ украинскій при Хмельницкомъ были бунтовавшіе холопы, хотѣвшіе освободиться отъ законной гражданской власти“, Костомаровъ подробнѣе разбираетъ другое, тоже въ основѣ совершенно ошибочное заключеніе. Не разъ говорилось, что борьба правительства польскаго съ козачествомъ, это—борьба государственнаго, правового начала съ стихійными, своевольными элементами, что, съ другой стороны, всѣ нареканія на польскія жестокости и на угнетеніе простого народа все это выдумки, неосновательныя, злостныя. Указавъ вообще на близорукость польской политики, угнетавшей и стѣснявшей козачество вопреки собственнымъ своимъ выгодамъ, Костомаровъ приводитъ затѣмъ цѣлый рядъ указаній польскихъ же писателей относительно жестокостей и угнетеній. Въ подтвержденіе

къ стоявшимъ доселѣ одиноко показаніямъ такъ называемаго Конискаго на счетъ угнетеній Костомаровъ приводитъ соотвѣтствующія указанія недавно опубликованныхъ актовъ. Все это по мнѣнію его не оставляетъ никакихъ сомнѣній на счетъ того, „что такое было панство польское“.

Изъ перечня статей Костомарова за это время легко намѣтить кругъ его научныхъ интересовъ: общественное значеніе уніи, денаціонализація православной шляхты, происхожденіе козачества и сущность козацкихъ движеній—вотъ главныя темы; интересы на сторонѣ народа, народныхъ движеній и народныхъ настроеній. Молодой историкъ берется восполнить пробѣлъ относительно жизни и стремленій украинскаго народа; въ этомъ отношеніи онъ вполне правъ: темы эти захватываютъ важные, рѣшительные моменты жизни Украины. Отъ временъ позднѣйшихъ, отъ темъ случайнаго характера, подвергнувшихся подъ руку при первыхъ занятіяхъ въ архивномъ матеріалѣ, Костомаровъ переходитъ къ выясненію основныхъ вопросовъ былой исторіи Украинскаго народа. Такъ выясняется у него давняя двойственность сѣверной и южной Руси, своеобразность въ ходѣ исторической жизни тамъ и здѣсь, далѣе непосредственныя связи, соединяющія козачество съ укладомъ древней Руси, наконецъ—основные моменты въ ранней исторіи козачества. Это коренные вопросы украинской исторіи, и на нихъ-то теперь сосредоточивается Костомаровъ.

Другая сторона—помимо темъ, либо ихъ подбора—это освѣщеніе, основная точка зрѣнія. Признавая народную жизнь содержаніемъ и цѣлью историческихъ изысканій, Костомаровъ считалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и народъ, народные массы главнымъ дѣятелемъ минувшаго. И это воззрѣніе проводилъ онъ и на дѣлѣ. На примѣрѣ Хмельницкаго въ диссертациі „О причинахъ и характерѣ уніи“ мы видимъ, какъ перемѣщается центръ тяжести по направленію отъ бывшихъ героевъ—вершителей къ безымяннымъ и неопредѣленнымъ, казалось бы, народнымъ массамъ. Этотъ народъ, стоявшій въ почтительномъ по прежнимъ воззрѣніямъ отдаленіи отъ великаго гетмана, „новаго Моисея“, этотъ-то народъ и становится теперь главнымъ дѣятелемъ минувшаго времени, ему-то приписывается главная роль. „Хмельницкій — напомнимъ здѣсь цитированныя выше слова Костомарова—былъ только избранникомъ народа своего, орудіемъ потребностей своего времени, своей страны... Не Хмельницкій былъ дѣйствующимъ лицомъ, а народъ; не Хмельницкій воззвалъ народъ къ возстанію, а народная потребность вывела Хмельницкаго изъ бездѣйствія“... Подобнымъ же

образомъ участіе народа, интересы народа принимаетъ Костомаровъ повсюду въ своихъ статьяхъ изъ былого времени. Если сопоставить оцѣнку козачества, какъ „сословія, имѣвшаго задачею своихъ дѣйствій освобожденіе несчастнаго, угнетеннаго класса отъ убійственной олигархіи“, если сопоставить эту оцѣнку съ пониманіемъ причинъ козацкихъ движеній, легко увидѣть, что Костомаровъ повсюду придерживался здѣсь своего взгляда на роль народа въ минувшемъ.

Къ сожалѣнію, кромѣ этихъ отдѣльныхъ статей Костомаровъ не успѣлъ дать наряду съ диссертациею объ уніи другой крупной работы, гдѣ провель бы рельефно и выпукло эти свои взгляды. Хотя для него ясно намѣчался уже перевѣсъ интересовъ историческихъ надъ этнографическими, однако на время пришлось Костомарову неожиданно оторваться отъ своихъ намѣченныхъ темъ. Я разумѣю здѣсь неожиданное происшествіе съ диссертациею объ уніи.

Дѣло было такъ. На степень магистра русской исторіи Костомаровъ представилъ сочиненіе „О причинахъ и характерѣ уніи въ Западной Россіи“. Сочиненіе это было признано соотвѣтствующимъ назначенію своему, и предполагалась обычная публичная защита. Но вдругъ неожиданно пришло изъ Петербурга распоряженіе защиту отменить, диссертацию уничтожить, а автору предоставить право написать новое сочиненіе для соисканія ученой степени. Пришлось, такимъ образомъ, снова приниматься за работу, обрабатывать на этотъ разъ уже новую тему ¹⁾.

¹⁾ Исторія съ диссертациею разсказана и самимъ Костомаровымъ—Автобіографія (Русская Мысль 1885. V. 205) и Автобіографія (Литер. Насл. стр. 39—40) и у Сухомлинова въ статьѣ „Уничтоженіе диссертации Н. И. Костомарова“ Древняя и Новая Россія 1877. I, и въ воспоминаніяхъ А. Корсуна, Русскій Архивъ 1890. X. Эта исторія представляетъ нѣкоторыя неясности относительно инициативы гоненія на диссертацию. Кто именно поднялъ такое гоненіе? Тогда въ 1842 г. харьковская публика думала, что это дѣло еп. Иннокентія, отмѣтившаго въ книгѣ рѣзкія мѣста относительно духовенства, увѣренъ въ этомъ былъ и Костомаровъ. „Гоненіе на диссертацию—замѣчаетъ Костомаровъ въ первой своей автобіографіи—поднято было вслѣдствіе высказанныхъ въ ней убѣжденій, что распространенію уніи способствовало невѣжество, безнравственность и лѣность православнаго духовенства, и сверхъ того подмѣнены были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ взгляды скорѣе протестантскіе, чѣмъ православные“. Однако, позднѣе явились у Костомарова на этотъ счетъ колебанія, говорилось, что доносъ былъ написанъ кѣмъ-то изъ среды профессоровъ. Объявляетъ еп. Иннокентія и Сухомлиновъ въ названной выше статьѣ, приписывая всю инициативу помощнику попечителя Харьковскаго учебнаго округа — Н. А. Цертелеву, обратившемуся прямо въ министерство съ заподозрѣнною книгою. Все-таки Костома-

Для второй диссертации Костомаровъ обратился къ своимъ этнографическимъ запасамъ и матеріаламъ. Конечно, отходить далеко отъ недавнихъ чисто-историческихъ темъ не хотѣлось и, такимъ образомъ, явилась въ результатъ тема смѣшаннаго характера. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, записывая на своихъ этнографическихъ прогулкахъ среди народа пѣсни и историческія сказанія, Костомаровъ, тогда еще наблюдатель-этнографъ, не думалъ, вѣроятно, что ему такъ скоро придется самому этимъ матеріаломъ заняться. Еще не такъ давно другъ Костомарова, Срезневскій привлекъ въ своей „Запорожской Старинѣ“ такъ много указаній изъ матеріала этнографическаго въ цѣляхъ историческихъ изслѣдованій: уже на этомъ примѣрѣ ясна была важность народныхъ пѣсень, гдѣ такъ живо и рельефно выразился „взглядъ народа на прошедшую свою политическую жизнь, взглядъ народа какъ на прошедшую, такъ и настоящую свою жизнь, разсматриваемую *in statu quo*, взятую какъ бы въ моментъ его существованія: это картина жизни, внутренняя исторія, передаваемая изустно самимъ народомъ“¹⁾. Послѣ отдѣльныхъ случаевъ привлеченія въ историческихъ изслѣдованіяхъ этнографическихъ данныхъ нужно было теоретически выяснитъ этотъ вопросъ, вотъ это и имѣлъ до извѣстной степени въ виду Костомаровъ въ этой своей книгѣ „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“.

Вспоминая много лѣтъ спустя про эту свою книгу, Костомаровъ замѣтилъ объ ея содержаніи: „въ ней я представилъ народную символику природы, составленную на основаніи пѣсень, картину исторіи, какъ она отразилась въ пѣняхъ, и образъ домашней жизни и нравовъ въ томъ видѣ, въ какомъ самъ народъ рисуетъ себя въ своихъ

ровъ еще позднѣе вернулся снова къ прежнему взгляду на счетъ инициативы еп. Иннокентія и на этотъ разъ уже, кажется, окончательно. Дѣло въ томъ, что въ біографіи Иннокентія (Русская Старина 1878. XI, 387) приведено письмо епископа, гдѣ говорится, между прочимъ, такъ: одинъ кандидатъ вздумалъ „держать экзаменъ на степень магистра по разсужденію объ униі. Такой предметъ, который теперь имѣетъ значеніе не одно историческое, а и государственное, обратилъ, вслѣдствіе сего, особенное вниманіе на это разсужденіе. Я, къ удивленію, нашелъ, что оно писано очень въ нехорошемъ, почти не въ русскомъ духѣ, такъ что скорѣе можетъ быть выставлено въ любомъ журналѣ иностранномъ какъ доказательство, что и изъ русскихъ есть люди, кои смотрятъ на унию не по русски“.... Это письмо вернуло Костомарова къ прежнимъ его харьковскимъ мыслямъ на счетъ руководящей здѣсь роли еп. Иннокентія.

¹⁾ Слова Костомарова; о содержаніи этой диссертации см. мою статью—„Изъ исторіи украинской этнографіи“, стр. 11—14.

пѣсняхъ“. „Я предположилъ провести мою задушевную мысль объ изученіи исторіи на основаніи народныхъ памятниковъ и знакомства съ народомъ, его преданіями, обычаями и способомъ выраженія мыслей и чувствованій“ и „доказывалъ важность народныхъ пѣсенъ для исторіи, не въ томъ смыслѣ, чтобы онѣ могли сообщить важный и достовѣрный матеріалъ для изложенія фактической исторіи, а въ томъ, что открываютъ намъ народное міросозерцаніе и знакомятъ насъ съ тѣми впечатлѣніями, какія на духъ народа наложили природа, историческія обстоятельства и общественныя условія“¹⁾...

Прослѣдить преобладающій характеръ этихъ историческихъ намековъ въ народныхъ пѣсняхъ, оцѣнить ихъ значеніе, выдѣливъ отдѣльныя группы и разбирая каждую группу отдѣльно, наконецъ выяснитъ степень довѣрія, внушаемаго этими извѣстіями—вотъ ближайшая задача историка; въ послѣдствіи выдвинулась бы другая болѣе сложная и кропотливая задача — перебрать всѣ до одного эти указанія критически и внимательно. Костомаровъ понималъ эти взаимно связанныя, параллельныя задачи теоретическаго изслѣдованія о цѣнности историческихъ намековъ въ народныхъ пѣсняхъ, но не провелъ ихъ до конца. Въдѣ наша жизнь, какъ и жизнь специально обособляемаго въ научныхъ изслѣдованіяхъ простого народа, столь тѣсно связана съ историческими воздѣйствіями минувшаго времени, столь много хранить въ себѣ историческихъ переживаній, что внѣ рамокъ ясно выраженныхъ воспоминаній объ историческихъ судьбахъ можно говорить объ историческомъ значеніи тѣхъ явленій или вѣрованій, какія и не носятъ на себѣ прямо бросающагося въ глаза отпечатка своего историческаго происхожденія. Въ узкомъ пониманіи можно говорить объ историческихъ отголоскахъ и намекахъ въ пѣсняхъ характера историческаго, въ болѣе широкомъ пониманіи задачи можно сюда присоединить, кромѣ того, и полустершіеся отзвуки языческихъ вѣрованій, тамъ, гдѣ они стали въ обрядной пѣсни или въ пѣсни при играхъ уже непонятнымъ намекомъ, привычнымъ стереотипнымъ выраженіемъ. Наконецъ, для этнографа, присматривавшагося къ народному быту и изучавшаго на мѣстѣ среди обычныхъ условій народной жизни народныя пѣсни и преданія, заманчиво было на основаніи личнаго опыта намѣтить міросозерцаніе народа по свидѣтельствамъ и намекамъ пѣсеннаго творчества. Между этими двумя задачами и колеблется

¹⁾ Автобіографія (Русская Мысль. 1885. V, 206). Автобіографія (Литературное Наслѣдіе, стр. 41). Записка 1870 г.—Русская Мысль 1885. VI, стр. 44.

Костомаровъ. Вотъ въ главѣ первой—„Жизнь духовная. I. Религія“ Костомаровъ хочетъ охарактеризовать вообще внѣ историческихъ рамокъ народныя представленія украинскаго населенія о божествѣ и намѣчаетъ здѣсь, какъ „главную идею, проникающую духовное существо малорусса“ — „безусловную преданность волѣ Божьей“ или „самопреданіе въ волю Божью“. Сдѣланы эти наблюденія внѣ послѣдовательности историческаго процесса, создающаго взгляды и воззрѣнія, и ссылка на историческую (признанную потомъ подложною) думу изъ „Запорожской Старины“ является здѣсь случайною. Тотъ же характеръ—выясненіе взглядовъ и воззрѣній народа на природу опять-таки безъ указанія на историческую преемственность носить и вторая глава „Жизнь духовная. II. Природа“. Авторъ хорошо знаетъ, что символика міра растительнаго и животнаго не созданіе вчерашняго дня, а существуетъ съ очень давнихъ временъ; болѣе того, и здѣсь, въ своей книгѣ, разбирая одинъ за другимъ отдѣльные символы, распределенные по нѣсколькимъ группамъ, Костомаровъ указываетъ порою на міеологическое значеніе того или иного образа либо представленія. Такимъ образомъ, глава получаетъ смѣшанный характеръ. Еще бы одно слово въ заголовкѣ, и читатель выносилъ бы ясное представленіе, что вся эта символика созданіе давнихъ временъ, и для настоящаго времени она является историческимъ переживаніемъ, отголоскомъ міеологическаго пониманія природы и ея силъ. Такое именно поясненіе сдѣлалъ авторъ позднѣе, вернувшись къ этой темѣ въ семидесятыхъ уже годахъ, предпославъ изложенію народной символики заголовокъ „періодъ язычества или отдаленной древности“, подчеркивая въ данномъ случаѣ характеръ переживаній ¹⁾).

Собственно къ историческимъ воспоминаніямъ переходитъ авторъ въ слѣдующихъ отдѣлахъ. Выше указанъ былъ общій взглядъ Костомарова на ходъ исторической жизни украинскаго народа. Не возвращаясь къ сказанному выше, отмѣтимъ, что историческія воспоминанія народныхъ пѣсень сгруппированы Костомаровымъ въ трехъ циклахъ—турско-татарскій, польскій и русскій; при этомъ цикл турско-татарскій распадается еще на рубрики—о подвигахъ козаковъ на берегахъ Дуная, о морскихъ походахъ козаковъ, наконецъ, о татарскихъ набѣгахъ и степной войнѣ съ татарами. Начинается систематическій обзоръ пѣсень съ Дунайскихъ походовъ и Байды, далѣе выступаютъ Свирговскій и Серпяга, послѣ пѣсни о морскихъ походахъ козаковъ и пѣсни

¹⁾ Сfr. въ упомянутой выше моей статьѣ стр. 12.

такъ называемаго невольничкаго цикла. Слѣдуя хронологической нити передаетъ Костомаровъ одинъ за другимъ рассказы пѣсенъ о давно минувшихъ событіяхъ; при этомъ, не искушенный еще критическимъ скептицизмомъ молодой историкъ вѣритъ мутнымъ свидѣтельствамъ „Запорожской Старины“ и ея фальсификатамъ, какъ и „Исторіи Руссовъ“. Вполнѣ полагаясь на эти показанія, Костомаровъ ими провѣряетъ и другія (подлинныя) историческія пѣсни, отмѣчая, напримѣръ, что въ подложной думѣ происшествія переданы „согласно съ повѣствованіемъ Конисскаго, противно лѣтописямъ польскимъ“, ссылаясь на подложную думу для подтвержденія своей мысли на счетъ „безусловной преданности волѣ Божіей“, какъ „главной идеи, проникающей духовное существо малорусса“, или опять-таки на основаніи подложной думы такъ называемой о трехъ полководцахъ характеризую народное настроеніе въ „горькое время народнаго отчаянья“. Все это черты неизбѣжныя при слабомъ развитіи критическаго скептицизма, въ чемъ грѣшилъ и не одинъ Костомаровъ въ тѣ годы.

Характеризуя общественные взгляды украинскаго пѣсеннаго творчества, Костомаровъ намѣчаетъ рядъ общественныхъ типовъ, какъ они отразились въ народной пѣснѣ. Разборъ этихъ типовъ сдѣланъ въ двухъ направленіяхъ: какъ типы, существующіе одновременно въ обществѣ, и, затѣмъ, какъ типы, смѣняющіе другъ друга въ исторической жизни общества. Такъ намѣчены козакъ, любимый персонажъ пѣсенъ, а потому и у Костомарова описанный съ наибольшою полнотою, далѣе чумаць, бурлакъ и поселянинъ. „Жгучее, шумное лѣто замѣняется меланхолическою, плаксивою осенью. Такъ пламенно-бурное козачество уступило мѣсто томительно-тихому міру чумацтва и бурлацтва. Но осень непродолжительна: студеная зима скоро смѣняетъ ее... Поселянинъ послѣдній образъ, къ которому насъ приводитъ изслѣдованіе народныхъ малороссійскихъ типовъ“. Этими немногими словами намѣчаетъ изслѣдователь постепенную смѣну типовъ общественной жизни. Конечно, поселяне были, мирно жили и пахали и въ пору разцвѣта козачества, но когда измѣнившіяся условія жизни, условія мирнаго и спокойнаго существованія снесли прежнія спеціальныя особенности украинской исторіи, особенности, вызвавшія козачество, эта общественная группа исчезла, ставши лишь историческимъ воспоминаніемъ, какъ и въ болѣе близкое къ намъ время желѣзныя дороги уничтожили чумацество.

Останавливаясь на типѣ поселянина, авторъ описываетъ нѣкоторыя стороны современнаго сельскаго быта: характеризуетъ разные моменты

семейной жизни, упоминаетъ о своеобразныхъ особенностяхъ цикла рекрутскихъ пѣсенъ, наконецъ переходить къ характеристикѣ облика украинской женщины. Заканчиваетъ онъ указаніемъ на обрисовку въ пѣсняхъ материнской любви, на уваженіе къ сестрѣ и, наконецъ, заключаетъ бѣглымъ упоминаніемъ о знахаркѣ. Такимъ образомъ, здѣсь снова авторъ выходитъ изъ собственно историческихъ задачъ изслѣдованія и останавливается на простой характеристикѣ современнаго сельскаго быта, знакомаго ему и по самостоятельнымъ наблюденіямъ надъ народною жизнью ¹⁾.

Работая надъ своею диссертациею, Костомаровъ написалъ кромѣ того и небольшую статью, тоже на этнографическую тему. Заглавіе ея—„О циклѣ весеннихъ пѣсенъ въ народной южно-русской поэзіи“ ²⁾. Рѣчь идетъ здѣсь о веснянкахъ: разбирая ихъ содержаніе, авторъ прослѣживаетъ тутъ постепенное развитіе чувствъ, начиная отъ „неяснаго блаженнаго состоянія невѣдѣнія или лучше сказать полувѣдѣнія“, далѣе идетъ „непривычное чувство, томительное влеченіе“, постепенное развитіе чувства любви и смутное опасеніе за будущее: хорошо съ любимымъ, а если съ нелюбомъ придется коротать жизнь! Въ числѣ этихъ весеннихъ пѣсенъ веснянокъ, петривокъ, купалокъ, говоритъ далѣе авторъ, есть такія, которыя „можно было бы назвать эпическими или мифологическими: тутъ являются лица совершенно не настоящаго времени и рассказываются происшествія, переданныя сѣдою стариною позднѣйшимъ потомкамъ, для которыхъ однако онѣ потеряли смыслъ свой“. Авторъ разбираетъ эти отголоски незапамятнаго былого подъ отдѣльными рубриками: Пѣни объ олицетвореніи весны

¹⁾ На счетъ критики молодому ученому не вполнѣ посчастливилось. Бѣлинскій (Отечественныя Записки) и Сенковскій (Библіотека для чтенія) сошлись въ отрицательномъ отношеніи къ книгѣ Костомарова; сочувственно отнесся Срезневскій, указавъ, впрочемъ, на пробѣлъ въ работѣ Костомарова: авторъ — замѣчаетъ критикъ — разсмотрѣлъ свой матеріалъ „только съ одной стороны—со стороны взгляда народа на самого себя. Вопросъ же, какъ и чѣмъ можетъ историкъ тутъ пользоваться, остался совершенно въ сторонѣ“... („Москвитининъ“).

²⁾ Статья эта напечатана въ Маякѣ 1843 г. т. XI—въ качествѣ дополненій къ этнографической статьѣ К. Сементовскаго „Замѣчанія о праздникахъ у Малоросіянъ“ (кромѣ статьи Костомарова такія же дополненія Срезневскаго и Метлинскаго). Для выясненія общихъ взглядовъ Костомарова на языческія воззрѣнія у славянъ и дальнѣйшаго развитія его мнѣній на этотъ счетъ нужно обратиться къ его книгѣ „Славянская Мифологія“ (Кіевъ, 1847), гдѣ высказанъ общій взглядъ на схему славянской мифологіи и снова разобраны купальскія игры и вѣрованія, уже съ инымъ толкованіемъ самого имени Купала.

и другихъ временъ года; Рожа и Дунай; подвезенный младенецъ (хороводная пѣсня съ упоминаніемъ про мизильное дитя); утопленница (утонувшая и переродившаяся дѣвушка); наконецъ—Иванъ Купальный. Не чуждъ авторъ здѣсь и обобщеній: обожаніе природы, замѣчаетъ онъ по поводу пѣсенъ объ утонувшей дѣвучкѣ, „источникъ многобожія; отъ него произошла вѣра въ превращенія. Нашимъ предкамъ она не была чужда и обломки старины доселѣ сохранились въ памятникахъ народной поэзіи“. Въ концѣ соображенія о происхожденіи слова Купала и о значеніи праздника, о соединеніи именъ Ивана и Купала. Можно здѣсь все объяснить, всѣ детали связанныхъ съ Купалою представленій рассказомъ Евангелія о личности Іоанна Крестителя, и нашими усвоенными представленіями о Предтечѣ можно объяснить соединеніе намековъ о водѣ и огнѣ, но если взвѣсить всѣ упоминанія и намеки о водѣ, придающія этому дню видъ языческаго празднованія въ честь воды, то скорѣе можно догадываться, что около того времени, когда приходится день Рождества Предтечи, было какое-нибудь языческое празднество, котораго остатки сплелись съ новыми идеями. Таковы общіе выводы Костомарова относительно языческаго празднества.

Вотъ и всѣ невольныя этнографическія отступленія Костомарова отъ намѣченного пути. Сильнѣе и сильнѣе захватываютъ его теперь собственно историческія темы. Отъ задуманной было работы относительно внутренняго устройства слободскихъ полковъ Костомаровъ, какъ мы видѣли, перешелъ къ эпохѣ уніи, а теперь увлекся временемъ Хмельницкаго. Изъ письма Костомарова Бецкому (1844) мы узнаемъ, что и тогда уже эта работа принимала солидные размѣры, а вѣдь приходилось работать самому, безъ указаній, случайнымъ путемъ подыскивая себѣ источники, разбираясь въ существующихъ и натываясь неожиданно на новые. Однако, въ Харьковѣ ими не очень-то можно было разжиться. Чувствовалось инстинктивно, что въ Кіевѣ, столь богатомъ монументальною и архивною стариною, легче будетъ восполнить пробѣлы неизданными еще источниками и документами, особенно съ оживленіемъ тамъ научныхъ интересовъ благодаря открытію университета и учрежденію „Временной комиссіи по разбору древнихъ актовъ“ (1843). И вотъ Костомаровъ начинаетъ подумывать о переходѣ въ Кіевъ, тѣмъ болѣе, что дѣла его въ Харьковскомъ университетѣ не измѣнились къ лучшему.

„Послѣ защищенія диссертации я, вспоминаетъ Костомаровъ, нѣсколько мѣсяцевъ продолжалъ оставаться въ Харьковѣ и занимался

обработкою исторіи Богдана Хмельницкаго. Это занятіе, увлекаая меня, внушало сильное желаніе побывать въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ происходили описываемыя мною событія, и съ этою цѣлью я обратился къ князю Цертелеву съ просьбою написать кіевскому попечителю о моемъ желаніи получить мѣсто въ кіевскомъ учебномъ округѣ¹. Желаніе Костомарова исполнилось, онъ получилъ на первое время мѣсто учителя исторіи въ Ровенской гимназіи и въ октябрѣ 1844 г. выѣхалъ изъ Харькова, „провожаемый толпою харьковскихъ знакомыхъ, изъ-являвшихъ мнѣ желаніе найти счастье въ иномъ краѣ“¹).

Такъ закончился харьковскій періодъ жизни Костомарова. Мы старались прослѣдить основные моменты этихъ харьковскихъ лѣтъ жизни и дѣятельности историка, ходъ его занятій и смѣну интересовъ, наконецъ главныя вліянія, формировавшія его взгляды и симпатіи. Передъ нами прошли университетскіе годы и затѣмъ семь лѣтъ (1837—1844) послѣ университетскихъ. Для первой поры мы имѣемъ лишь автобіографическій матеріалъ, для второй и инныя данныя, хотя и не столько, сколько хотѣлось бы ихъ имѣть для выясненія зарожденія и постепеннаго развитія взглядовъ историка. Комбинируя указанія автобіографіи и данныя печатныхъ работъ Костомарова, до извѣстной степени, съ неизбежными пробѣлами, все-таки можно намѣтить главныя черты историческаго міросозерцанія Костомарова за это время.

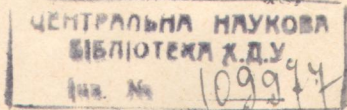
Костомаровъ уѣхалъ изъ Харькова 27 лѣтъ: годы ученія уже кончились. Предъ нами молодой ученый съ сложившимся уже историческимъ міросозерцаніемъ. Демократическое пониманіе исторіи проведено имъ уже въ своихъ харьковскихъ работахъ, и навсегда останется онъ вѣренъ этимъ своимъ историческимъ взглядамъ, оформившимся подъ вліяніемъ историческихъ указаній профессора Лунина съ одной и подъ вліяніемъ непосредственной связи съ народомъ и этнографическихъ интересовъ съ другой стороны.

Если такимъ образомъ можно уже теперь считать общее историческое міросозерцаніе Костомарова сложившимся и опредѣленнымъ, то нельзя этого пока сказать про другую особенность Костомарова,

¹) Автобіографія (Литер. Насл.), с. 46. „Ваше письмо—вспоминаетъ Костомаровъ много лѣтъ спустя въ письмѣ А. А. Корсуну—перенесло меня живо въ прошлыя времена молодости; припомнился мнѣ и маленькій домикъ противъ озера, гдѣ вы проживали, и „Синь“, который тогда издавали. Сколько было тогда надеждъ, сколько юношескихъ увлеченій! Многое оказалось пустоцвѣтомъ, но не по нашей винѣ; мы же вели себя искренно и прямо, и въ томъ совѣсти нашей награда на старость“. Русскій Архивъ. 1890. X, с. 217.

какъ историка, особенность, такъ ярко проявившуюся впоследствии и не разъ навлекавшую на него горячія нападки, хотя все-таки здѣсь Костомаровъ никогда не достигнулъ предѣла, намѣченнаго его младшими собратьями и сверстниками по наукѣ: я разумѣю здѣсь критическій скептицизмъ. Хотя и въ харьковскихъ трудахъ Костомарова мы можемъ найти отдѣльные случаи сомнѣнія въ вѣрности указанія источника, или поправки къ сомнительнымъ даннымъ, но все-таки Костомаровъ не дошелъ здѣсь до безпощадной остроты критическаго чутія и увозилъ съ собою въ Кіевъ и довѣріе къ „Исторіи Руссовъ“ и уваженіе къ фальсификатамъ „Запорожской Старины“. Въ этомъ отношеніи много еще оставалось сдѣлать, и лишь постепенно послѣ многочисленныхъ ошибокъ и провѣрокъ послѣдующія работы въ Кіевѣ, Саратовѣ и Петербургѣ развили въ Костомаровѣ аналитическіе приемы и скептицизмъ по отношенію къ показаніямъ малодостовѣрныхъ источниковъ.

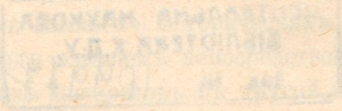
А. Грушевскій.

Вопрос о том, что такое государство, является одним из самых важных и сложных вопросов философии и политологии. Государство — это совокупность людей, объединенных на определенной территории, обладающих определенной властью и выполняющих определенные функции. Государство — это социальный институт, который возникает в результате развития человеческого общества. Государство — это форма организации политической власти, которая обеспечивает порядок и безопасность в обществе. Государство — это субъект международных отношений. Государство — это источник права. Государство — это гарант свободы и безопасности граждан. Государство — это гарант интересов народа. Государство — это гарант интересов государства. Государство — это гарант интересов человечества.

Государство

Государство — это совокупность людей, объединенных на определенной территории, обладающих определенной властью и выполняющих определенные функции. Государство — это социальный институт, который возникает в результате развития человеческого общества. Государство — это форма организации политической власти, которая обеспечивает порядок и безопасность в обществе. Государство — это субъект международных отношений. Государство — это источник права. Государство — это гарант свободы и безопасности граждан. Государство — это гарант интересов народа. Государство — это гарант интересов государства. Государство — это гарант интересов человечества.

Государство — это совокупность людей, объединенных на определенной территории, обладающих определенной властью и выполняющих определенные функции. Государство — это социальный институт, который возникает в результате развития человеческого общества. Государство — это форма организации политической власти, которая обеспечивает порядок и безопасность в обществе. Государство — это субъект международных отношений. Государство — это источник права. Государство — это гарант свободы и безопасности граждан. Государство — это гарант интересов народа. Государство — это гарант интересов государства. Государство — это гарант интересов человечества.